

БОЙЦЫ МУРА

Новые детективы по реальным делам

ИЛЬЯ РЯСНОЙ

**УБОЙНАЯ
ФАРЦОВКА**

Илья Владимирович Рясной
Убойная фарцовка
Серия «Бойцы МУРа. Новые
детективы по реальным делам»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13136469

Рясной, Илья Владимирович. Убойная фарцовка: Издательство «Э»;

Москва; 2015

ISBN 978-5-699-84235-3

Аннотация

В собственной квартире зверски убиты отставной адмирал Богатырев и его жена. Похищен парадный китель адмирала с ценными орденами, в числе которых – два очень редких и дорогих ордена Ушакова. Расследование поручили сотруднику МУРа капитану Уланову. Вскоре сыщик выяснил, что незадолго до убийства к адмиралу несколько раз приходили молодой человек и его подруга, которые представлялись студентами журфака МГУ. Им якобы было поручено написать статью об адмирале в юбилейную книгу. Капитану Уланову не составило труда разыскать студента журфака МГУ Марка Адлера, которому было поручено написать статью об адмирале. Но, как ни странно, этот студент не только не написал никакой статьи, он даже ни разу не

встречался с адмиралом. И тогда сыщик понял, что хоть он пошел по ложному следу, это все равно – зацепка...

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	59
Глава 7	72
Глава 8	79
Часть вторая	85
Глава 1	85
Глава 2	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Илья Рясной

Убойная фарцовка

© Рясной И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Часть первая

Гимнасты

В 1982–1983 годах в Москве и в некоторых регионах СССР произошел ряд серьезных преступлений, связанных с хищениями и контрабандой орденов и старинных икон с убийствами их владельцев. В их раскрытии принимали участие сотрудники антикварного подразделения МУРа Николай Докин и Зоя Красавина, не только ставшие прототипами героев книги, но и являвшиеся ее консультантами.

Глава 1

Куда уехал цирк?
Он был еще вчера,
И ветер не успел
Со стен сорвать афиши, —

из приемника в салоне «Волги» звучала новая песня Валерия Леонтьева. Тускло светились часы на панели приборов. Урчал невыключенный мотор, давая возможность печке греть воздух – мартовская ночь выдалась прохладная.

По ночной трассе проносились редкие машины. Черная «Волга» приткнулась на обочине около стационарного пункта ГАИ на границе Московской и Калининской областей.

Хохол щелкнул тяжелой зажигалкой «Зиппо», настоящей, фирменной – его гордостью. Глубоко затянулся. Сунул пачку «Мальборо» в карман коричневой куртки из мягкой замши.

Его пальцы немножко подрагивали. Сердце барабанило в груди. Стараясь ни в коем случае не продемонстрировать даже тень тревоги, он подчеркнуто миролюбиво обратился к прислонившемуся к перилам поста грузному, с красным широким лицом старшине-гаишнику:

– Командир, так мы до дома никогда не доедем. Четвертый час ночи. А мы у вас уже пятнадцать минут кукуем.

– Подождите. – Старшина строго и не слишком одобрительно посмотрел на столичную штучку – жилистого, высокого мужчину лет тридцати, с короткой стрижкой, в дорогой крутке и светлых вельветовых джинсах. – Обычная проверка.

– Что проверяете?

– Что положено, – отрезал старшина, показывая, что не склонен к продолжению наметившейся дискуссии.

Сидящий за рулем машины Жорж выключил печку, распахнул дверцу и выставил ногу на асфальт. На заднем сиденье вальяжно расположились Лысый и Сурен. Всем своим видом они демонстрировали, что случившееся недоразумение их нисколько не волнует.

– Э, других машин, что ли, нет, – сказал Хохол, когда мимо пронесся белый «Москвич», а за ним грузовик «Шкода» с длинным прицепом, обдав стоящих на обочине упругим порывом воздуха.

– Слишком ваше транспортное средство выделяется, – кивнул старшина на черную «Волгу». – Решили поинтересоваться, что таким солидным людям в нашем медвежьем углу понадобилось.

– Вот говорил же друзьям, что на «Запорожце» ехать на рыбалку надо... Командир, может, договоримся? – Хохол выразительно постучал по карману. – А то нас жены с детьми заждались.

– Договариваться с женой и будете. А у нас служба, – по добревший было старшина снова посуровел и поднялся по узкой металлической лестнице в помещение поста.

Рядом со стекляшкой стационарного поста, около служебного автомобиля «ВАЗ-2105», широко расставив ноги, стоял молоденький, видимо, только прошедший стажировку и получивший форму с оружием рядовой милиционер. Как и положено молодым, он был насуплен, строг и подозрителен. Его товарищи, наоборот, были расслаблены, что Хохла успокаивало – похоже, действительно, их остановили для обычной проверки.

Надежда мой компас земной,
А удача награда за смелость, —

в динамиках автомобильного приемника уже бился, вырываясь на волю, волшебный голос Анны Герман.

Хохол, засунув руку в карман куртки, встал под окнами поста. Отсюда он мог ясно различать беззаботные голоса собравшихся там троих сотрудников. Лейтенант втирал про Чапаева, лимоны с ногами и выжатую спьяну в чай канарейку – анекдот бородатый, но встречен был дружным хохотом.

– Ну чего с москвичами-то? – послышался голос краснолицего старшины. – Может, пускай едут? Документы, техпаспорт, доверенность в наличии. Ничего не нарушили.

– Сейчас еще раз запрошу, – объявил лейтенант. – И счастливого пути.

Послышалось шуршание рации:

– Утес, ответь СП-одиннадцатому.

– Утес на связи.

– Ну что там с этой «Волгой» московской? Отпускать? Или досмотреть?

– Да подожди, одиннадцатый. Две минуты...

Хохол нервно глубоко затянулся. Затушил бычок об урну и выбросил его. Попытался унять дрожь в пальцах. Поймал подозрительный взгляд молодого и широко улыбнулся ему.

Опять зашуршала рация:

– Одиннадцатый! Задержать «Волгу» и пассажиров! Машина в угоне по Москве!

Хохла будто с места сдернули. Он бросился к машине. А

старшина уже был на пороге стационарного пункта. И молодой, почуявший неладное, бросился следом.

– Стоять! – заорал что есть мочи старшина громоподобным голосом.

Хохол споткнулся и упал на колено. Вскочил с криком:

– Заводи!

Старшина тянулся на ходу к кобуре.

Жорж выскочил из салона «Волги». В его руке чернел продолговатый предмет.

– Назад все! – заорал Жорж.

Грянул выстрел, и гаишники отпрянули в стороны.

– В машину! Быстрее! – Жорж нырнул за руль.

Хохол на подкашивающихся ногах подлетел к машине, едва опять не навернувшись. Лысый вдернул его в салон. И «Волга» резко сорвалась с места.

Завыла сирена. От пункта ГАИ, сияя маячками, отчалил милицейский «Жигуль». «Гайцы» не собирались упускать добычу.

– Черт, ментяры проклятые, – испуганно сыпал словами, как горохом, Лысый – его массивная фигура, лысый череп и топорные черты лица никак не намекали на тонкую душевную организацию, но именно он сейчас был напуган больше всех – до дрожи, до паники. Такое с ним было впервые. – Хрена они к нам прилипли?! Что им надо-то, баранам?!

– Все машина эта чертова! – воскликнул Хохол. – Говорил, надо «москвичок» брать. Ты, Лысый, в эту колымагу

вцепился!

– Бляха муха, повяжут ведь! – не замечая упреков, как сумасшедший, бормотал Лысый.

– А ну заткнулись все! Не мешать! – прикрикнул Жорж, собранный, внешне похожий на киноартиста в амплуа героя-любовника.

Он вел машину уверенно, четко, можно сказать, мастерски. И знал цену каждому своему неверному движению.

«Волга» – машина тяжелая, но мощная, притом движок был новый, ухоженный. Она уверенно шла на разгон, оставляя позади себя милицейский «жигуленок».

– Оторвись, Жорж, оторвись! – затараторил опять Лысый. – Немного осталось!

Милицейский «ВАЗ-2105» скрылся вдали. Маленькая победа.

– Ушли! – обрадовался Лысый.

Но тут откуда-то справа, на параллельно идущей дороге показалась переливающаяся огнями спецсигналов милицейская «Волга».

– Обложили, твари! – подпрыгнул на сиденье Лысый. Его паника начинала передаваться другим.

– Жми, Жорж! Жми! – просительно произнес Хохол.

На пересечении дорог милицейская машина едва не протаранила автомобиль беглецов – тот опередил на считанные метры.

– Черная «Волга», номер «А 32–16 ММ», немедленно

остановитесь! Или будет применено оружие! – послышалось из громкоговорителя. – Повторяю, «Волга», госномер «32–16», немедленно остановитесь!

– Вот уж хрен по всей роже! – истерично завопил Лысый, демонстрируя, что от отчаяния до удали один шаг. – Чтоб я вам, сукам, сдался! Ха!

Милицейская «Волга» начала нагонять беглецов и вскоре поравнялась с ними.

Жорж резко крутанул руль влево. Жестяной грохот. Чей-то короткий крик в салоне и емкое восклицание про какую-то мать... Милицейская машина вылетела от удара на встречу, едва не впечатавшись в лоб пыхтящему ночью по своим делам одинокому трактору, но удержалась на трассе. Притормозила. И опять начала нагонять.

– Не возьмешь, сука! – Хохол высунулся из окна и нажал на спусковой крючок. Ухнул обрез. Потом еще раз.

Часть крыла милицейской машины вмялась под картечью.

– Напрасно ты, – спокойно произнес Сурен, не теряющий самообладания. – Сейчас нас накроют. Со всех стволов.

– Кто кого еще! – Лысый будто обезумел, дрожащими пальцами он сумел извлечь стреляные гильзы и запихать новые.

Мегафон опять призвал остановиться. Потом захлопали резкие выстрелы. Милиционеры теперь, после применения преступниками оружия, могли не стесняться в средствах и опустошать боезапас.

– Мажут, суки, мажут! – Лысый выстрелил еще раз. – Будет вам война, уроды!

Послышался глухой хлопок – гораздо тише грохота выстрелов.

Никто не понял, что произошло, кроме Жоржа, пытавшегося выправить машину, которую неумолимо вело вправо. Одна из милицейских пуль пробила шину, и теперь на скорости «Волгу» сносило с дорожного полотна.

– Ух, ты, ё... – Жорж резко крутанул руль.

«Волгу» занесло. Она вильнула, уже не слушаясь руля. И вылетела с дороги.

Как в киношном боевике, машина перевернулась. Проехала боком по мокрой земле, ломая тонкий ночной лед в лужах. И встала опять на колеса.

– Жив! – завопил Лысый.

Живы были все. И что удивительно, без видимых повреждений.

– Врассыпную! – крикнул Жорж, плечом выдавливая погнутую дверцу.

Хохол вывалился из салона, напоследок прихватив небольшую, сантиметров двадцати, икону шестнадцатого века. Это было самое дорогое из того, что они нашли в деревенской церкви в глубинке Калининской области.

Милицейская «Волга» на скорости проскочила вперед. Ее водитель затормозил, сдал назад. Сотрудники выскочили из салона. Но увидели только растворившиеся в лесу тени.

Гаишники бегло осмотрели покореженную черную «Волгу», стараясь ни к чему не прикасаться и дать возможность поработать экспертам. От удара багажник распахнулся, и под брезентом обнажились сложенные друг на друга иконы.

– Ушли четверо. Вооружены огнестрельным оружием, – произнес капитан ГАИ в микрофон автомобильной рации. – В салоне иконы. Похоже, с дела шли. Преследование в лесу ночью невозможно.

Дежурный по областному УВД ввел план «Вулкан», разработанный для задержания вооруженных преступников. По тревоге были подняты все силы милиции, подключено подразделение внутренних войск. Перекрыли все ходы и выходы.

Утром был задержан Сурен – он вышел на трассу и попытался тормознуть взмахом руки машину, которая, как оказалась, принадлежала уголовному розыску, и оперативники искали именно его. Лысый двинул куда-то в леса, забрел в болото, чуть не потонул, выбрался и был обнаружен с милицейского вертолета. Пытался убежать, утопил обрез и, видя подходящих милиционеров, один из которых сжимал в руках укороченный автомат Калашникова, бухнулся на колени, подняв руки:

– Я безоружный! Я сдаюсь! Только не бейте!

Жорж и Хохол сумели поодиночке пройти через леса. И успешно добрались до Москвы. Домой даже не заглядывали, зная, что там их могут ждать. Встретились вечером в

заранее условленном месте – на ступенях кинотеатра «Ашхабад», призывно сверкающего стеклом в окружении бесконечных новостроек Южного Чертанова. Афиша рекламировала только что вышедшую в советский прокат югославскую слезливую мелодраму «Пришло время любить», вызвавшую непонятный зрительский ажиотаж. Вокруг в поисках лишнего билетика сновали желающие узреть это произведение.

– Влипши! – коротко описал ситуацию Жорж.

– Когда-то должны были, – резонно отметил Хохол.

– Не должны. Никому ничего не должны!

– Что дальше? Может, сдадимся?

– И получить пятнадцать лет за стрельбу по милиции? Я лучше сдохну в корчах.

– А я бы еще пожил, – сказал Хохол...

Глава 2

«Московское время двадцать три часа тридцать минут.

Последние события в стране и в мире.

Завершено строительство Навоийской ГЭС в Узбекистане, являющейся теперь крупнейшим производителем электроэнергии в республике. Сдача этого важного объекта является значительным шагом к выполнению одиннадцатого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР.

Правительство США ввело эмбарго на поставки в Ливию высокотехнологичного оборудования, голословно обвинив арабскую страну в поддержке терроризма.

Успешная посадка 1 марта 1982 года на планету Венера спускаемого аппарата автоматической межпланетной станции «Венера-13» стала значительной вехой в исследовании планет Солнечной системы. Температура на Утренней звезде достигает четырехсот градусов, а давление превышает сто атмосфер. Аппаратурой станции сделаны четырнадцать цветных и девять черно-белых панорамных снимков поверхности планеты, получена важная научная информация».

Капитан Уланов повернул рукоятку частот приемника, и в кабинете зазвучала томная джазовая музыка.

Он устало прикрыл глаза. День выдался суматошным – закрепляли еще пять эпизодов из казавшихся бесконечными подвигов Геракла.

Взяли Герасима Водолазова, уголовный псевдоним Геракл, через три дня после квартирной кражи у заведующего валютным магазином «Березка». У потерпевшего были большие связи, поэтому дело поставили на контроль, оперативных сотрудников МУРа обязали разбиться в лепешку, но вора найти и вещи уважаемому человеку вернуть.

Квартира у завмага была просторная, интерьер в модном псевдорусском стиле: на стенах – декоративные бревна, в углу – иконы, на кухне – лапти и вышитые полотенца, вот только балалайки не хватало. Заглянул туда Геракл в пол-одиннадцатого утра, когда все на работе. Бережно упаковал несколько старинных икон, столовое серебро, мешочек с золотыми изделиями, магнитофон «Грюндик» и три десятка кассет «Сони» в чемодан и отправился восвояси.

Проводя обход жилого сектора, Михаил Уланов разговорился с дворничихой, которая вспомнила какого-то затрапезного бородатого мужичка в длинном плаще, беретке и с большим чемоданом.

– Ну какой он вор? У нас счетовод такой на деревне был, – сказала она. – Безобидный совсем по виду мужичок-то. У него даже те, с телевизора, хотели интервью взять.

Оказалось, что по выходу из подъезда солидного сталинского дома № 103 на проспекте Мира вор был атакован группой московской телепрограммы, которая очень хотела у него узнать, как он относится к результатам последней городской партийной конференции. Вор к конференции не относился

никак и шарахнулся от тележурналистов как черт от ладана.

Уланов отправился на телевидение. Там его ждала удача. Несмотря на дефицит пленки, черновой материал остался весь. И вор там получился на загляденье четко, ясно, с особыми приметам. Сделали с экрана фотографии. Потом дело техники – полазили по картотекам и альбомам. И возникла в милицейской сводке запись: «За совершение кражи задержан Герасим Водолазов, 1933 года рождения, уголовная кличка Геракл».

Жил он на самой глухой окраине Москвы, в районе Библирево. Там его и задержал Уланов в трогательный момент, когда вор пил горькую и беседовал с огромным зеленым, с красным хохолком попугаем какаду.

– Собирайтесь, Герасим Онуфриевич, пора на кичу, – проинформировал Уланов, заходя в квартиру, дверь которой хозяин позабыл запереть.

Тщедушный бородатый Геракл пьяно всхлипнул:

– Чуял, что пора. Не хочу на кичу, начальник...

– А надо.

– Надо. – Геракл опрокинул рюмку.

Эпизод с кражей на проспекте Мира Геракл взял на себя не споря, на первом же допросе. А дальше пошел в отказ – больше ничего нет, не совершал, не крал. Жил честно. Работал после третьей отсидки в котельной.

И упирался он до того времени, пока Уланов не решил однажды послушать аудиокассеты Геракла, которых у того

скопилось несколько десятков. Думал, там какая-нибудь зарубежная эстрада. Но тут полезло такое!

Как потом сам Водолазов рассказывал, очень уж его томили в последнее время страх и одиночество. Холодным потом покрывался, когда лазил по квартирам в ежесекундном ожидании провала и милицейской сирены, а потом еще несколько дней не мог прийти в себя. Что характерно, боялся он не задержания, следствия и уж тем более не тюрьмы, которая для него – дом родной. Страх жил как бы сам по себе. И как по заказу появлялся, когда вор шел на дело. А тут еще вечное одиночество – Геракл привык работать без помощников, давно не имел ни друзей, ни постоянных женщин. От этого одиночества купил себе попугая какаду.

– Лучше любого кореша мой Клювик! – всхлипнул Водолазов на допросе. – Так внимательно слушает. И все понимает. И жалеет меня!

В общем, после каждого дела Геракл брал бутылочку беленькой, накатывал себе стакан с верхом и начинал исповедоваться перед попугаем, как ему было тяжело на деле. Мало того – за каким-то лешим он записывал эти исповеди на магнитофон! Зачем – так внятно и сам объяснить не смог. Зато добросовестно прописал на кассеты, помимо своих переживаний, места и время совершения краж.

Когда Уланов завершил исследование этого мемуарного наследия, то насчитал более девяноста эпизодов квартирных краж.

После этого Геракл раскололся на все. Написал длинную явку с повинной.

– Одно условие, – вздохнул он, закончив свой нелегкий труд и откладывая в сторону шариковую ручку. Беседа проходила в кабинете Уланова, за дверьми ждал выводной.

– Зачтем как чистосердечное раскаяние, – пообещал оперативник.

– Да не об этом. Клювика не бросайте. Ему и так без меня тяжело.

– Не бросим.

Теперь клетка с Клювиком стояла в самом большом кабинете одиннадцатого отдела МУРа. Попавшую в дурную компанию птицу теперь кормили и социально реабилитировали сотрудники.

– Только вы с ним секретами не делитесь, – предупредил замначальника отдела Маслов в тот знаменательный день, когда принес клетку в кабинет.

– Думаете, заложит? – осведомился оперативник.

– Обязательно, – заверил Маслов...

После чистосердечного раскаяния показания Герасима ежедневно отрабатывали с его участием выездами на места преступлений.

По правилам конвоировать арестованных должны сотрудники специальной конвойной службы, но на каждый выезд их не наберешься. Поэтому возили Геракла на места оперативники на выдавшем виды «ВАЗ-2105» защитного зелено-

го цвета, принадлежавшего одиннадцатому отделу МУРа.

Обычно Уланов брал с собой кого-то из оперативников. Но сегодня с ним изволил проехаться подполковник Маслов, поскольку арестованный должен был дать расклад по краже из квартиры важной шишки – начальника одного из управлений Министерства внешней торговли.

Квартиру внешторговца Геракл указал сразу. А следующий адрес по краже, не проходившей в сводках, но которую сам Водолазов отлично помнил, искали часа три. Когда уже отчаялись, Геракл ткнул пальцем в сторону дома:

– Вон! А на том заборе еще матерное слово было написано.

Хозяйка квартиры сильно удивилась, увидев компанию из оперативников угрозыска, вора и понятых. Подтвердила факт кражи и пояснила, что местные сотрудники милиции уломали ее не портить им статистику, потому что все равно воров не найти. В общем, обычное дело.

В результате провозились до позднего вечера, только что сдали задержанного в ИВС. И теперь Уланов пытался перевести дух в пустом кабинете.

Дверь распахнулась, и весь дверной проем заняла огромная медвежья фигура замначальника отдела Маслова.

– Первый час ночи. Ты домой собираешься, трудоголик? – поинтересовался он.

– Да уж пора бы.

– Бери Сашу с его бронетранспортером. Он тебя до дома

дoveзет. Завтра после трех подходи, отоспись.

– Спасибо, Владимир Валерьевич.

– Ну, бывай, не кашляй.

Маслов исчез.

Уланов опечатал своей печатью сейф. Запер и опечатал кабинет. И отправился на третий этаж, где в большом кабинете его ждал Сашок, он же сержант Александр Куницын. Водитель тоже утомился, поскольку весь день возил жулика, понятых и оперов по местам подвигов Геракла.

– Поехали, подбросишь меня до дома, – сказал Уланов.

– Запросто, – кивнул безотказный Сашок...

Дома сын Никитка уже давно спал без задних ног после богатого на события бесконечного дня девятилетнего ребенка. Жена, как всегда, ждала не смыкая глаз.

– По девкам хоть ходил? – спросила Катя.

– По работе, – возмутился Уланов.

– Лучше бы по девкам.

– Почему?

– Тогда у тебя на семью хоть немного времени оставалось бы. А так ты весь принадлежишь этой своей работе. Без остатка.

– И вечный бой, покой нам только снится.

Катя поцеловала его, прижалась крепко.

– Я же все понимаю... Образцовая милицейская жена.

Молчу и только киваю...

– Зато я завтра отсыпаюсь всласть. – Уланов зевнул...

Отоспаться ему дали ровно до полдесятого. В гости заглянул Маслов собственной персоной.

– Как поет Высоцкий: мы их не ждали, а они уже пришли, – прокомментировал свое появление известный балагур-одессит.

– Что стряслось? – пытаюсь навести резкость, сонными глазами посмотрел на начальника Уланов.

– Указание замначальника МУРа. Слетаем ракетой в Калининскую область. Там наших клиентов взяли, «клюквенников». Москвичей. После дела. Со стрельбой.

– Интересные ребята, – сонливость и усталость как рукой сняло. «Клюквенники» – так называют церковных воров. И они главные клиенты отделения по борьбе с посягательствами на культурные ценности одиннадцатого отдела МУРа, в котором Уланов имел честь проходить службу.

– Так а я про что. Пора в дорогу, старина, подъем пропет!..

Глава 3

– Стрелял в родную рабоче-крестьянскую милицию, – укоризненно произнес Маслов. – И не стыдно, молодой человек?

– Я? – Павел Рогожкин, для друзей просто Лысый, тридцати двух лет от роду, технолог пищевого комбината, распахнул изумленные очи.

– Ты, друг мой. Ты, – напирал Маслов. – И не делай мне больно, не говори, что это не так.

В ОВД одного из районов Калининской области москвичам для беседы с задержанными был выделен просторный кабинет, плотно заставленный сейфами и старой невзрачной мебелью. При разговоре присутствовал начальник местного уголовного розыска.

– Я не стрелял! – истерично воскликнул Лысый, чуть не подпрыгнув на табуретке.

– Ух ты, – всплеснул руками начальник уголовного розыска. – А парафиновые пробы указывают, что стрелял. На твоих руках частицы пороха...

– Какие пробы?!

– Ты дуру не гони, – подался к нему начальник розыска, подняв угрожающе руку. – Ты же техникум закончил. Человек образованный.

– Ну и что?

– А то, что по статье 191 прим УК РСФСР «Посягательство на жизнь работника милиции» положено до исключительной меры наказания.

– Это как? – не понял Лысый.

– До расстрела... Расстреляют тебя, сокол ясный, на заре, и никто не узнает, где могилка твоя, – улыбнулся Маслов доброжелательно.

– Да вы чего? – Лысого заколотило.

– Запросто расхлопают, – включился в игру Уланов. – Учтут, что ты упрявился, не давал правдивые показания. Значит, закоренелый преступник и убийца.

– А мы еще на тебя дел повесим, – потер жадно руки начальник уголовного розыска. – У нас несколько убийств с прошлых лет остались нераскрытыми.

– Как это так – навесите?

– А так. Были наши нераскрытые преступления. Стали ваши статьи...

– Они могут, – подтвердил со вздохом Маслов. – Душителю свобод...

– Ну что вы мне лепите, товарищи? – как-то жалобно проблеял бугай Лысый.

– Ни фиги ты теперь не товарищ. Ты теперь гражданин. И то с ограниченными правами, – пояснил Маслов.

– И вы на меня чужое навесите?

– Ну если свое не берешь, – кивнул начальник розыска. – Придется вешать... Храм в Зареченском подломил?

– Нет!

– Ох, не будет у нас с тобой дружбы, – опечалился начальник розыска. – И будешь ты отвечать за всю шайку. Сейчас твои напарники на тебя все свалят. Ты же стрелял. Значит, ты главный.

– Жорж первым стрелял!

– Вот, Жоржа ты уже сдал. Начало положено, – улыбнулся ласково Маслов.

– Не сдавал!

– Друг мой бессердечный, будешь так себя вести, тебя точно в расход пустят, – заявил Маслов. – У вас вооруженная группа. Еще и бандитизм могут дать. А это уж совсем труба.

– Что мне делать-то?!

– Ты не молчи. – Маслов похлопал Лысого по плечу. – Ты рассказывай все. Нам от тебя лишнего не надо. Но и от своего не уйдешь.

– Да ладно пургу гнать. Я вот признаюсь сдуру. И на моих признаниях меня в расход пустят. Скажут, ментов хотел замочить!

– Ты что, советской милиции не доверяешь? – не поверил своим ушам Маслов.

– Конечно, нет.

– Значит, такой разговор у нас пошел, да?.. Закон, как ты знаешь, это такое дышло...

– Куда повернешь.

– Точно. Туда и вышло. Только у тебя силенок не хватит

его повернуть, – сказал Маслов. – Но мы тебе поможем.

– Как?

– Попытаемся доказать, например, что ты стрелял не в сотрудников, а просто в воздух. И вообще мог случайно палец соскользнуть.

– Кто поверит?

– Тебе – никто, – согласился Маслов. – А нам вместе – поверят... В общем, если посягательство и останется, то не на жизнь, а на здоровье там или на что еще. Но не расстреляют точно. И пятнашку не дадут.

– Ой, – всхлипнул Лысый, пытаясь представить, какую тьму времени ему предстоит провести в тюремных стенах.

– Пойми, сидеть тебе все равно, но между пятнадцатую и пятью разница принципиальная, – вставил слово начальник розыска. – Условно-досрочное может быть. Да и посидишь там, где полегче. Все в наших руках.

– Мы взяли церковь эту, – махнул рукой Лысый.

– Пиши, – начальник розыска протянул бумагу и ручку. – Явка с повинной.

Лысый в двух словах расписал подвиги честной компании в селе Зареченском. Начальник розыска полюбовался результатом и кинул лист в ящик стола со словами:

– Молодец. Только этого маловато будет.

– Почему? – воскликнул Лысый.

– А потому что вы еще множество подобных дел натворили. Хочется и о них услышать... Не тяни. Все равно все

ваши будут...

В результате такого долгого задушевного разговора Лысый написал явку с повинной еще на пять эпизодов по Москве, Московской и Калининской областям.

Сурен Арутюнян, фельдшер пятой горбольницы Москвы, коренастый, покрытый густой шерстью, небритый, выглядевший в свои тридцать один год на все пятьдесят, молчал или лениво отбрехивался. Мол, ничего не делал. Ничего не знаю. Не бандит, а честный человек.

Внешне он был спокоен. И держался невозмутимо до того момента, пока ему не предъявили расклад по эпизодам, признанным Лысым.

Тут уж Арутюняна проняло крепко. Он долго чередовал армянские и русские идиоматические выражения нецензурного толка. А потом принялся каяться. Вошел в раж так, что признался дополнительно в трех кражах, в том числе в далекой Архангельской области.

Лысый, которому после этого сказали, что он был не до конца откровенен, взял в нагрузку еще одно преступление. Так и ходили оперативники трое суток из кабинета в кабинет, козыряя перед подельниками очередными явками с повинной, пока не нарисовалось тринадцать эпизодов краж из церквей. При этом задержанные давали показания и на своих подельников – Жоржа с Хохлом.

Фамилии, адреса, телефоны и места работы скрывшихся жуликов сотрудники угрозиска со слов задержанных уста-

новили быстро. Итак, Коротков Антон Алексеевич, кличка Жорж, тридцати пяти лет от роду, тренер по самбо. Гриценко Борис Валерьевич, кличка Хохол, тридцати двух лет, художник в кинотеатре «Ударник». Можно было начинать на них большую охоту.

По местам прописки, как и ожидалось, их не оказалось. Со слов родственников, они там не появлялись уже четвертый день и где находятся – никому не ведомо. Радовало, что при обысках на их адресах изъяли одиннадцать икон, серебряные изделия, золото. В машине у Хохла, которая так и осталась припаркованной у его дома, обнаружили одиннадцать старинных церковных книг, одна в серебряном окладе, с золотом и эмалью. В гараже нашлась целая гора серебряной церковной утвари.

В итоге картина выглядела следующим образом. Несколько лет назад тесная компания из четырех молодых людей сплотилась на почве увлечения спортом. Сперва тренировались у Жоржа, который вел секцию самбо. Потом Хохол нашел где-то книги по особой немецкой системе гимнастики. Это была достаточно развитая и эффективная методика наращивания силы мышц, состоящая в максимальном повторении, до сотен раз, однотипных движений, а также кратковременного мышечного напряжения на максимуме возможностей.

Результаты говорили сами за себя – здоровья набрались «гимнасты» бычьего, руки стали железные. Баловались они

и простой гимнастикой, легко покоряя брусья, турник и другие снаряды.

Но одним спортом сыт не будешь. С годами начинаешь понимать, что сильные руки – это далеко не все. Достигнув успехов в совершенствовании физического тела, «гимнасты» ощущали себя не реализованными в обычной жизни. Они привыкли перебарывать себя. Но не могли перебороть безденежье. Их не устраивали небольшие зарплаты, позволявшие жить на среднем уровне, но не дававшие жить легко, красиво, достойно.

И тогда они пошли по проторенной дорожке жаждущих большего. Стали фарцевать. Хохла однажды даже задерживали за спекуляционную импортными водолазками, но обошлось все штрафом.

Больших коммерческих талантов у них не обнаружилось. Мелкая фарцовка была делом муторным, опасным и не слишком сытным. Каждую копейку приходилось отрабатывать своим трудом. Поди-ка найди поставщиков импортных тряпок, надежную клиентуру. Это риск, работа и заботы. Кроме того, быть спекулянтской мордой – это денежно, но позорно и уж никак не романтично. Нужно было искать более доступные и близкие душе способы заработка.

Преимущество у «гимнастов» было одно – физическая сила. Как ее конвертировать в деньги? Не будешь же грабежами и разбоями на улицах подрабатывать – это самый короткий, примитивный и глупый путь в тюрьму. И денег на этом

много не поймешь. Нужно делать то, что другие по хилости своей сделать не в состоянии. В этом преимущество и гарантия успеха.

У Жоржа, прогуливавшегося в Коломенском вблизи храма Казанской иконы Божьей Матери, увенчанного гордыми ярко-голубыми, с золотыми звездами, куполами, возникла неожиданная мысль – а ведь при его комплекции и ловкости он легко мог бы забраться на крышу и проникнуть внутрь. Так появилась идея.

Идея была смелая. Священники отгораживают свои храмы крепкими засовами, тяжелыми замками и толстыми решетками от злоумышленника, который притопаёт по земной тверди. Для того чтобы атаковать храм с воздуха, у злодея крыльев нет... Крыльев нет, но зато есть металлическая кошка, которую можно забросить на крышу. Есть звериная ловкость, которая позволит забраться по канату, разбить стекло на подкупольном барабане и проникнуть внутрь. И никаких не нужно фомок, отмычек, ножниц по металлу. Только крепкая веревка и отчаянная решимость людей, достигших совершенства во владении собственным телом.

Хохол, закончивший Московское академическое художественное училище памяти 1905 года, неплохо разбирался в древнерусской живописи, имел связи в среде художников и реставраторов. Он заверил, что без труда найдет, кому продать иконы. И идея перекочевала из мира эфемерных мыслей в грубый мир поступков. Церковь в Коломенском первая

пала на их победном пути...

– Машины зачем угоняли, если свои есть? – спросил Уланов, закончив писать очередной протокол.

– На своих пару раз ездили, – сказал Лысый. – Чуть не засыпались и решили, что безопаснее чужие брать. Сурен мастер замки вскрывать. А Хохол документы делал. Он же художник. Ему доверенность пять секунд нарисовать.

– А оружие вам зачем понадобилось?

– Никто никого убивать не собирался. И нападать не собирался, – махнул рукой Лысый, едва не опрокинув термос с горячим кофе на пирожки с капустой и мясом из соседнего магазина, которыми его откармливал оперативник, чтобы беседа тягостной не казалась.

– И зачем тогда два обреза?

– От страха.

– Это как?

– А так. Продумали с самого начала – если ночью нас сельяне застукают, то всей деревней кольями и забьют. И никакое самбо с гимнастикой не поможет. А в воздух пара выстрелов – и дураков нет на смерть идти. Так что...

– Для самообороны, значит?

– Вот именно. Так и пишите – для защиты жизни.

Уланов усмехнулся и поинтересовался:

– Где могут хорониться Жорж и Хохол?

– Э... – уставился на него Лысый. – Вы что, их не арестовали?

– Арестуем еще.

– Ха, – покачал головой Лысый. – Это что же получается...
– А тебе какая разница?

– Ну... Может, я на них бы стрелки перевел. И не пел бы соловьем, как идиот.

– Да ладно – пусть неделей позже, но они все равно сядут. В Африку не убегут, сам знаешь, – хмыкнул Уланов. – Железный занавес.

– Ну да, – кивнул Лысый.

– Так где они могут быть? Не тушуйся, рассказывай.

– Мы договаривались, если влетаем на деле, то домой ни ногой. У каждого свой тайничок был. И укромное место, где спрятаться от милиции.

– И где?

– Я не знаю... У нас была команда «врассыпную». А это значит – каждый за себя.

– Сурен может знать?

– Нет. Хохол и Жорж друг к другу ближе были. Может, вместе где-то отлеживаются.

– Где отлеживаются? Давай, не тормози.

– Да не знаю я!

Уланов пододвинул задержанному пачку «Космоса»:

– Чего ты так разволновался? На, покури.

Лысый закурил, закашлялся, прокомментировал:

– Дрянь, а не табак.

– А ты к чему привык?

– К «Мальборо». Около «Националя» его всегда можно за пятерку купить.

– На пятерку – это месяц «Приму» курить можно.

– К хорошему быстро привыкаешь, товарищ капитан. Только вкусишь нормальной жизни, и другой вкус уже горчит.

– И куда завела тебя красивая жизнь?

– А я еще свою возьму. Мне это на роду написано.

– Хорошо хоть зарабатывали? – поинтересовался Уланов.

– Машина, кооперативная квартира. «Мальборо» и черная икорка. Рестораны к твоим услугам, в любой пустят в обход очереди, только червонцем махни на входе... Сказка. На все хватало.

– Ты так сладко рассказываешь.

– Эх, – махнул рукой Лысый. – Ты пойми, капитан. Я не бандит. Не уголовник. Я просто хочу жить достойно. А не как эти...

Он махнул рукой куда-то вдаль, подразумевая, наверное, под «этими» большинство граждан СССР.

– Кому иконы сбывали? – полюбопытствовал Уланов.

– Я в это не лез. Хохол полностью на себя все брал. У него какие-то выходы на границу были.

– А, так вы еще и контрабандой подрабатывали.

– Товарищ капитан, я вам этого не говорил.

– Хорошо, пусть между нами останется... Ты пирожки-то

ешь, в камере тебя нормально не покормят...

Глава 4

Уланов пролистнул утренние газеты «МК» и «Комсомольскую правду» с какими-то радостно-беспольными молодежными проблемами, «Правду» – со скучным официозом. Газеты ему ежедневно отдавал Маслов, сам покупавший их по многолетней привычке.

«Президент Никарагуа Даниэль Ортега с целью противодействия агрессивной политике США приостанавливает в стране действие конституции и вводит военное положение...

Состоялся третий полет по программе «Спейс-Шаттл» космического челнока «Колумбия»...

Сизигия – так называется произошедшее в марте этого года уникальное астрономическое явление, когда все девять планет Солнечной системы выстроились с одной стороны Солнца. Оно вызывало нездоровое оживление астрологов и иных псевдочученых, пропагандирующих в желтой прессе Запада мракобесную идею о том, что подобное положение планет предрекает Земле природные катастрофы и политические потрясения. Тем самым отвлекается внимание трудящихся от растущего уровня безработицы, усиливающейся милитаризации...»

Уланов приехал из Калининской области три дня назад. С тех пор его не покидало ощущение наполовину сделанного дела.

Сотрудники угрозыска прошлись по связям находящихся в бегах «гимнастов», установили их знакомых, родственников, сослуживцев. Но никакой значимой информации не получили. Никто не знал, где лежище беглецов.

Конечно, они могли податься из Москвы. Но Уланов почему-то был уверен, что «гимнасты», вооруженные обрезом и опасные, как любые загнанные хищники, где-то здесь, под боком. Может, по соседству с его домом.

Между тем вчера, наконец, закончили отрабатывать последние эпизоды с Водолазовым. И теперь Геракл, поведавший обо всех своих подвигах до единого, был утомлен, но вместе с тем доволен, будто сбросил груз с плеч. Теперь его можно окончательно отдавать в руки следователя, а там обвинительное заключение, ознакомление с делом и суд. Еще одна страница работы перевернута, притом перевернута успешно.

Уланов имел привычку перед тем, как сдать все материалы в архив, тщательно просматривать их, чтобы быть уверенным, что там не осталось ничего важного. У Геракла были изъяты две записные книжки, три тонкие тетрадки с записями. Оперативник их давно изучил, пытаясь выявить связи и новые эпизоды. И сейчас пролистывал напоследок страницы, заполненные аккуратным, очень разборчивым почерком.

Судя по всему, в деревенской довоенной школе Геракла учили чистописанию на совесть. В записных книжках были цитаты из великих, перечень расходов на текущие нужды,

которые вор вел очень тщательно, и телефоны из разряда тех, что накапливаются у обычного человека – каких-то торгашей дефицитом, зуботехников. Уланов проверил некоторые номера, рассчитывая найти барыг, кому Геракл скидывал ворованное. Сам вор жестко стоял на своем – встречался со скупщиками краденого в парке «Сокольники», там отдавал вещи и получал деньги. Называл имена-отчества, даже клички своих партнеров, но ничего не било в точку. Видно было, что врет и просто не хочет никого сдавать, потому как истинный одиночка, отвечать привык только за себя. Отрабатывать каждый телефон у Уланова не было ни времени, ни возможностей, ни желания, да и смысла. Слишком много других дел накопилось.

– Пойдешь обедать? – спросила Лиза, пряча документы у стол и вопросительно глядя на «сокамерника».

Капитан милиции Елизавета Агапова, двадцати девяти лет, по телосложению и пластике похожая на балерину, обладательница больших зеленых глаз и русской косы, отвечала в отделе за штабную работу. Занятие это суетное – ей приходилось крутиться как белка в колесе с бумагами, отчетами.

Небольшой кабинет на четвертом этаже здания Петровки, 38 они уже третий год делили на двоих. За это время у них установились дружеские отношения. И обедать они по возможности ходили вместе, обычно прихватывая кого-нибудь за компанию, чтобы веселее было.

– В харчевню нашу? – спросил Уланов.

– Да.

На первом этаже ГУВД располагалась столовая. В обеденный перерыв там обычно царило столпотворение. Да и кормили не особенно шикарно, несмотря на то что работали там по большей части осужденные с условным сроком повара, которых в случае небрежного исполнения обязанностей могла вполне ждать замена условного срока на реальный. Все равно втихую тянули, кто что мог, потому что дух стяжательства у мелкого воришки велик и неистребим. Поэтому, когда выдавалась свободная минута, сотрудники ходили на обед в Свердловский исполком на Петровке, 22 или в райком партии на Каретном Ряду, куда пускали по договоренности. Ну а в особо тучные дни роскошествовали комплексным обедом в ресторане парка «Эрмитаж» напротив здания Главка.

– Сегодня у меня бутерброды с кофе, – объяснил Уланов. – А в нашей столовке заработаешь изжогу.

Иногда он устраивал разгрузочные дни. Экономия копейчатая, но сейчас до зарплаты оставались считанные дни, а жена неистово копит на мебельную стенку и новый диван, жестко урезая все расходы.

– Обнищал, – с пониманием кивнула Лиза. – Давай я сегодня угощаю.

– Это ты мне, гусару, говоришь?.. И вообще, я привык принимать пищу в полевых условиях.

Зашли девчонки из канцелярии с водителем Сашкой. И Лиза отправилась с ними в столовую.

А Уланов налил из термоса крепкий, заваренный поутру кофе, вытащил бутерброды с докторской колбасой по два рубля тридцать копеек за кило и пирожки, приготовленные женой, – с капустой и яйцами. Прихлебывая горячий напиток, он принялся листать записную книжку Геракла.

Настасья Павловна, портниха... Костя, мастер по телевизорам... Просто «К» – неизвестно кто. Его телефон уже пробивали, он установлен в районной поликлинике.

Погрузившись в работу, Уланов будто шагнул в другое временное измерение. И даже не заметил, как кончилось обеденное время и вернулась Лиза.

– Держи. – Она положила перед ним на стол пару фирменных марципанов – единственное, что отлично готовили в местном комбинате питания. Их делал тоже осужденный к исправработам повар, который относился к своему делу чрезвычайно трепетно.

Уланов кивнул и зажевал марципан, не слишком обращая внимание на вкус. Он провел указательным пальцем по телефону в записной книжке.

– Что-то важное? – спросила Лиза.

– Похоже, да.

Этот номер уже проверяли. Числился он за домашним адресом, по которому были прописаны какие-то старички. Поэтому тогда Уланов не обратил на него внимания. Но сейчас глаз прямо наткнулся на цифры...

Уланов открыл сейф, вытащил одну из папок, нашел в ней

справку. Внимательно прочитал нужный абзац. Сверил все. И потянулся к телефону.

Дозвонившись до изолятора, он представился и спросил:

– Водолазова еще в Матросскую Тишину не свезли? Когда, сегодня? Надо притормозить. К нему еще разговор есть.

Отлично, не нужно ехать в СИЗО, брать разрешение у следователя. Достаточно пересечь двор, пройти через охранников и подняться в комнату для допросов изолятора временного содержания.

«Спокойствие, только спокойствие», – как говаривал Карлсон. Не надо гнать гусей. Надо все тщательно продумать. Прикинуть, как повести разговор. Ведь факт налицо – в записной книжке Геракла был телефон фактического места проживания Жоржа. Но не факт, что Водолазов будет разглагольствовать на эту тему.

Уланов задумчиво просидел за столом еще с четверть часа, незаметно опустошив термос с кофе. Досадливо крякнул, поняв, что на вечер не осталось ни капли. Впрочем, кофеина он перебрал – могут быть проблемы с давлением. Посмотрел на часы, вспомнив бессмертную фразу Алибабаевича из фильма «Джентльмены удачи»: «А в тюрьме сейчас макароны дают». Уже не дают. По времени обед в изоляторе должен закончиться. И Геракл теперь лежит на нарах, листая подаренную ему Улановым книгу изречений великих людей, попутно доставая двух сокамерников-карманников цитатами и жестко подавляя бунт словами:

– А ты слушай, молодой, не ершись. Своего ума нет, так хоть чужого набирайся.

Уланов встал, положил в карман пиджака записную книжку. Пригладил перед зеркалом волосы. Из зазеркалья на него смотрел тридцатилетний мужчина, сухощавый, с ранними седыми волосами на висках. Его лоб прорезала глубокая морщина – ничего не мог с ней поделаться. А глаза с годами стали какие-то колючие, недобрые, и ему самому это не нравилось. Но уж какие есть.

– Куда прихорашиваешься, красавец? – спросила Лиза.

– Пошел дело делать.

Он пересек двор. Преодолеl неприступный барьер из тяжелых дверей с автоматическими защелками, из строгих, пристально изучающих документы постовых. Заполнил необходимые бумаги. И очутился в комнате для допросов с привинченной к полу мебелью. Сколько времени он здесь провел в беседах с ворами, разбойниками, сколько им сигарет отдал, сколько бутербродов скормил.

– Здоровы будьте, гражданин начальник, – кивнул Геракл, заходя в комнату.

– И вам того же. Присаживайтесь.

Вор заметно отъелся. Из его глаз пропал затравленный блеск. Заключение явно пошло ему на пользу, вернув душевное равновесие.

– Как вам тут? Жалобы? Пожелания? – спросил Уланов.

– Да все нормально, гражданин начальник. Все путем...

Только вот сердце ноет – как там Клювик?

– Нормально. Клюет в три горла.

– Перекармливать нельзя... Просьба у меня. Мне пятерку минимум дадут. А какаду по двести лет живут. Вы его сохранили. Я выйду, заберу. Друг все же. Лучший...

– Договорились.

– Вы по делу или так? Вроде уже все вам сказал.

– Все?

– Христом Богом клянусь.

– Кроме одного. Куда же все-таки иконки сбывали.

– Но я рассказал же.

– Самому не смешны такие сказки?

– Ну, извиняйте, – вздохнул Геракл, разводя руками.

Уланов вытащил из кармана и положил перед собой записную книжку. Развернул. И ткнул в телефон Жоржа:

– Помните, чей номер?

Водолазов как-то понурился.

– Ему скидывали антиквариат? – продолжил Уланов.

– Ну, скидывал. Чего уж теперь. Но показания под запись не дам.

– Да какие показания? Меня интересует, где он сейчас может быть.

– Дома, наверное.

– Нет его дома. Накуролесил и в бега подался.

– Тогда не знаю, – слишком поспешно ответил Водолазов. – Ищите, если нужен. Я только за себя, родного, в ответе.

– Герасим Онуфриевич, мы же теперь друзья.

Геракл только усмехнулся в ответ.

– А этот человек нам не друг, – продолжил Уланов. – Он сорвался с цепи. Обстрелял сотрудников милиции. И чего еще наворотит – неизвестно.

– Да, непорядок, – Геракл озадаченно кивнул, но не заметно, что собирался идти навстречу.

Тут Уланов выбросил козырь. Лысый проговорился, что Жорж спьяну хвастался, как какого-то вора надул. Взял икону шестнадцатого века, ему дал две сотни рублей, ушла она за пять тысяч. Среди перечня похищенного Гераклом действительно была икона этого времени. Значит, не исключено, что речь шла о нем.

– А помните «Николая-угодника», которого взяли на Волгоградке? – спросил Уланов.

– Ну, помню.

– Вы ее за сколько Жоржу скинули? За двести рублей? А он ее за пять тысяч сбаврил.

– За сколько?! – Геракл вмиг потерял свою умиротворенность. – А мне пел, что еле-еле эти деньги покроет. Мол, икона старая, облупленная, почерневшая, кто ее купит!

– Шестнадцатый век, уникальная школа. За границей она тысяч на пятнадцать долларов потянет.

– Я тут горбачусь, работаю за копейки. А он... Пять тысяч!.. Вот крысятник!

Геракл побарабанил пальцами по столу. Потом сказал:

– Ладно, гражданин начальник. Знаю я, где Жорж хоронится.

Глава 5

Нет более нудного занятия, чем сидеть в засаде. Притом уже четвертые сутки. Да еще когда подключил к мероприятиям массу народа, а сам даже сказать внятно не можешь, есть ли у тебя уверенность в достоверности информации.

Геракл поведал сгоряча: единственно, где может скрываться Жорж, – у своей любовницы, с которой познакомился год назад и с тех пор тщательно скрывал ее ото всех. Водолазову стало известно о ней совершенно случайно. Он показал дом в одном из микрорайонов Черемушек и объявил, что в каком-то из этих двух подъездов надо искать беглеца.

Поскольку преступники были вооружены, обладали исключительными физическими данными, начальник МУРа дал указание использовать при задержании ОМОН. Это такое хитрое подразделение, подчиненное МУРу, дислоцирующееся в Колобовском переулке, недалеко от Петровки, 38. Его создали к Олимпиаде 1980 года на случай терактов, беспорядков и для пресечения всех силовых вылазок, которыми мог бы быть омрачен большой праздник. Набирали в отряд спортсменов – борцов, боксеров. Гоняли их в лучших традициях спецназа – с утра до ночи, делая упор на рукопашный бой, стрельбу и тактику проведения специальных мероприятий. Привлекали их обычно к задержаниям вооруженных преступников, спортсменов. Ребята в отряде прямоли-

нейные, резкие и очень хорошо подготовленные, так что за «гимнастов» можно было не беспокоиться – упакуют в лучшем виде да еще праздничной ленточкой повяжут. Вот только бы жулики появились. А то совсем без них скучно.

Маслов и Уланов почти безвылазно торчали около этого дома, оборудовав пункт наблюдения в ремонтирующейся конторе в здании напротив. С ними помещение делил командир группы ОМОНа. Его ребята терпеливо ждали в желтом фургоне, выкрашенном под Московскую аварийную газовую службу.

Оперативники установили по адресному бюро всех, кто живет в нужных подъездах. Одиноких женщин там не значилось. Участковый тоже ничем не смог помочь. Поэтому оставалось два варианта – или тупо ломиться во все квартиры, рискуя спугнуть фигурантов, или терпеливо ждать, что они и делали.

На третий день руководство начало забрасывать Маслова нескромными и все более настойчивыми вопросами – когда клиенты созреют для приемки. Ответить на этот вопрос он не мог. Омоновцев тоже спрашивали их командиры, чем это они там столько времени занимаются.

– Мне-то что, – сказал старший группы ОМОНа. Был он невысок, худощав и никак не походил на боевика. Больше смахивал на научного сотрудника, если не знать, что он призер Союза по самбо и признанный инструктор по его боевому разделу. – Солдат спит, служба идет. Начальство только

волнуется...

На третий день начальство начало рвать и метать.

На четвертый день Маслов со своего наблюдательного пункта созвонился с замначальника МУРа Егорычевым. Тот был раздражен:

– Ну, где твои гаврики?

– Ждем.

– А зарплата идет. Ты десяток человек держишь.

– Ну да.

– Заканчивай эту ерунду, Маслов! ОМОН я снимаю. Все, возвращайтесь на базу. Никого в адресе нет. И не будет.

Омоновцы отчалили прочь, сказав: ну если чего, звоните, будем по первому сигналу. После этого Маслов вопросительно посмотрел на своего подчиненного:

– Ну, что делать будем, Михайло?

– Геракл не врал, – уверенно произнес Уланов. – «Гимнасты» где-то здесь.

– Не знаю, что тебе сказать на эту пламенную речь. Но нам приказано возвращаться.

– А кто меня учил все доводить до логического конца?

– Я. Есть такой грешок – люблю поучить на досуге.

– Ну, считайте, что я научился.

Спокойный, не импульсивный, выдержанный, суховатый в обращении Уланов от природы обладал настойчивостью, переходящей в упрямство. Если он вцеплялся во что-то, то челюсти не разжимал до победного конца. Бульдोजья хват-

ка – ею обладает некоторая часть следователей и оперативников. Без таких людей правоохранительная служба невозможна.

– Значит, предлагаешь послать руководство Управления по известному адресу? – любопытно спросил Маслов.

– Предлагаю творчески подойти к исполнению указания. И добить этот чертов адрес.

– Ваша простота начинает мне нравиться, – хмыкнул Маслов и засел за телефон.

Через час в их наблюдательном пункте появился местный участковый, а еще через десять минут возникла Лиза, небесное создание. Она критически окинула взглядом логово. Брезгливо поморщилась, поглядев на застеленный оберточной бумагой и усеянный хлебными крошками стол, на котором одиноко лежала открытая упаковка печенья «Юбилейное». В центре стола стояло три стакана – один из оперативников стащил их под чай из автомата с газированной водой. Так уж устроено – стаканы от газировки крали все, включая милицию.

– Ну у вас здесь и берлога, – объявила Лиза.

– Звиняйте, мадам, – хмыкнул Маслов. – Портьер и канделябров еще не завезли... Итак, слушайте план действий, коллеги...

А план был прост и прям, как чугунный лом. Тупо обходить квартиру за квартирой и проверять, кто там есть, одновременно проводя разведдопрос.

– В те квартиры, где хозяев знаешь, заходишь под видом проверки проживания, – проинструктировал Маслов участкового – капитана милиции с непропорционально широкими плечами, в слегка мятом форменном плаще. – В неизвестные проникаем под видом работников ЖЭКа. Тут тебе, Лизонька, жэковскую стерву играть.

Она кивнула. Играть она любила, ощущая в себе нерастраченные артистические таланты.

Большинство местных жителей были на работе, что неудивительно, учитывая, что сейчас утро четверга. В паре квартир были дети, которые отказались открывать двери. В других хозяева знали участкового и открывали сразу.

Сотрудники милиции обошли первый подъезд. Ни в одной квартире никого, похожего на «гимнастов», не было. Никто таких людей не видел, не знал и знать не хотел.

– Отрицательный результат – тоже результат, – философски отметила Лиза, когда с первым подъездом было покончено.

– Лизонька, ты не права, – покачал головой Маслов. – Отрицательный результат – ни хрена не результат. Поэтому пошли долбить следующий подъезд...

Во втором подъезде результаты были примерно те же самые. Настроение у муровцев и так было не слишком радостным, а теперь грозило перейти в стадию заморозки.

На девятом этаже участковый застыл перед предпоследней квартирой и нажал на кнопку звонка:

– Мария Николаевна, открывайте.

– О, Николай Павлович, с чем пожаловали? – широко распахнув дверь, строго осведомилась пожилая, седая как лунь женщина с пронизательным взглядом старой энкавэдэшницы.

– Ищем незаконно проживающих.

– И чего, у меня их искать собираетесь? – искренне удивилась она.

– Если вы не против.

– Да заходите, смотрите. Чайку сделаю. – Женщина подозрительно посмотрела на компанию.

– Не время чай гонять, – отрезал участковый.

– Ну чего, будешь квартиру смотреть? – спросила хозяйка.

– Да ладно, – отмахнулся участковый, точно знавший, что у нее быть никого не может – не тот человек. – Лучше скажите, посторонних в подъезде видели? Может, кто из чужих проживает?

– У нас-то? Да что ты? У нас все люди приличные, ни пьянок, ни гулянок, ничего. Вот только у Рожковых сын из армии две недели назад вернулся. Ну отметили они хорошо. А так тихо. Не, это не к нам.

– А к кому?

– Да вон, к Нинке с одиннадцатого подъезда. Такая ладная красотка выросла, а ума не нажила. К ней постоянно мужики клеятся. Сама видела ее несколько раз с новым хахалем. Похоже, у нее квартируется. Они из подъезда под ручку вы-

ходили.

– Какая квартира? – спросил участковый.

– Четыреста семнадцатая. Я к ней туда в прошлом году с домкомом ходила. За квартиру, дрянь такая, не платит. Зато духи французские, плащ польский, вся из себя...

Ну что ж, бабуси в очередной раз подтвердили свою репутацию самых надежных источников информации.

– Она в спецчасти МИДа работала всю жизнь. А потом в исполкоме. Наш человек, – заявил участковый, когда шли к одиннадцатому подъезду.

Дом был построен буквой Г, и что творится с той стороны, оперативники из своей засады не видели и видеть не желали – ведь фигурантов, по информации, там быть не должно.

– Мог Геракл ошибиться и не тот подъезд указать? – спросил Маслов.

– Да черт его знает, – пожал плечами Уланов. – Сейчас и выясним.

Они остановились у одиннадцатого подъезда.

– Окна квартиры на ту сторону? – спросил Маслов.

– На ту, – кивнул участковый. – Нас сейчас с этой квартиры не видно.

– Ну, тогда пошли.

Они поднялись на седьмой этаж. Маслов встал сбоку от двери с фирменным глазком. Прислонил ухо к дверной щели.

– Кто-то есть, – проинформировал через некоторое вре-

мя. И кивнул Лизе: – Давай.

Та встала перед глазком и нажала кнопку звонка... Нет ответа. Нажала еще раз. Показалось, что в квартире что-то зашуршало. Мелькнул отблеск в глазке – видимо, кто-то в него смотрел.

– А ну открывайте, – голосом заправской стервы при исполнении потребовала Лиза. – Из ЖЭКа. У вас залив идет. Скоро весь дом уплывет.

Ноль реакции.

– Открывайте, говорю, вредители! Кто ремонт оплачивать будет? Сейчас с участковым дверь взломаю, если не дадите засор осмотреть...

Лиза опять нажала на кнопку звонка и не отпускала до того момента, как дверь распахнулась. Густой баритон осветомился:

– Чего воешь, как сирена? Нет у меня залива!

Тут Маслов и продемонстрировал свой коронный бросок. Он ринулся вперед, моментом срисовав, что перед ним Жорж, а значит, надо глушить его сразу и бескомпромиссно. И нанес свой излюбленный пушечный удар кулаком в лоб.

Жорж ударился о стенку и сполз по ней, отключившись на миг. Тут же заерзал, пытаясь подняться, – все-таки был крепкий как бык. Но Маслов и участковый уже выворачивали руки, защелкивая наручники.

Уланов проскочил в комнату – там никого. На кухне тоже пусто.

– Второго нет, – сообщил он.

Жоржа оттащили в комнату и бросили на диван.

Тот встряхнул головой, возвращая резкость восприятия.

Набрал воздуха в легкие и попытался заорать.

Маслов отвесил ему такую увесистую затрещину, что крик невольно захлебнулся:

– Рот разявишь, поганка, я тебя по-настоящему вырублю.

Жорж поверил и заткнулся.

– А чего ты визг поднять хочешь? – нагнулся над ним Маслов. – Второго ждешь? Предупредить надеешься?

– Пошел на ... – прохрипел Жорж и скривился от боли в голове.

Оперативники быстро осмотрели однокомнатную квартиру. Обстановка была стандартная – мебельная стенка, люстра из чешского стекла, кресла и диван с деревянными подлокотниками, низкий журнальный столик. Все чистенько, аккуратно – явно не притон. Планировка квартиры была улучшенная, с кухней в девять квадратных метров.

Ко всеобщему удовольствию, Уланов извлек из-под кровати обрез двуствольного ружья. В стволе был нагар.

– Чистить оружие надо, – сказал Уланов Жоржу.

Через десять минут зазвенел дверной звонок. И Маслов с Улановым, резко распахнув дверь, с силой вдернули в квартиру плечистого громилу. Хохол! Его-то и ждали!

Ему попытались заломить руки. Хохол молча сопротивлялся. Он оказался настолько силен, что Маслов не удержал

его и чуть не получил кулаком в ответ. Уланов тоже удерживал жилистую руку с трудом, поэтому исхитрился и для ослабления наградил бандита таким ударом коленом в живот, которым слона можно снести. Хохол крикнул и потерял дыхание. После чего его запястья сковали браслеты.

– Ну вот, все и в сборе, граждане дебоширы, бандиты и разбойники, – оглядев задержанных, произнес Маслов. – Продолжим спектакль...

Понятые, следователи, осмотр – привычное мельтешение лиц, формальные слова, подписи на протоколах. К вечеру задержанных доставили в ИВС на Петровке.

Уланов беседовал с Жоржем. Того впечатлили уже первые эпизоды из перечня подвигов, на которые разговорились его соучастники. Соображал он быстро и конкретно, как и положено спортсмену. Голова его болела после удара, но это не помешало ему сообразить, в какую яму он угодил и что ему грозит обвинение в бандитизме, в покушении на сотрудников милиции, а в итоге – так и вообще исключительная мера наказания. Поэтому, помассировав виски и отказавшись от услуг врача, он сказал:

– Пиши, контора. Глядишь, еще звездочку накинута.

– Твоими бы устами, – хмыкнул Уланов.

Жорж выложил все подвиги, даже с верхом – упомянул грабеж, про который забыли его друзья.

Уланов закончил писать протокол часа через три. И то изложил все конспективно. Сделал круговые движения ки-

стью, рука отнималась от долгой писанины.

Жорж расписался на каждом листе.

– Еще один принципиальный вопрос, – произнес Уланов. – Ты скидывал вещи?

– Нет. Хохол. Его задача. Его люди.

– А кому? В курсе?

– В курсе. Лосю.

– Это кто?

– Игнатий Лосев. Его нумизматы и букинисты знают. Личность известная. Коллекционер.

– А ему зачем столько было?

– Не под запись, потому что мне еще одна статья не нужна. Но я слышал, он с дипломатами якшается. На какое-то барахло импортное иконы меняет. И раскидывает по комиссионным магазинам. Денег у него немерено. Но я на него показывать не буду. И Хохол тоже не будет.

– Почему?

– А он при каких-то очень мутных делах. Мне жизнь дороже.

– Хорошо, – кивнул Уланов. Ему и так было достаточно того, что наговорил задержанный.

Полученную информацию на Лосева Уланов на следующий день оформил агентурной запиской – нужно же закрыть график встреч с источниками оперативной информации, которых у него насчитывалось десять человек. Большинство вообще не имели никаких разведывательных воз-

возможностей и числились для галочки, но с каждого нужно ежемесячное сообщение, притом результативное. Вот и тащили испокон веков оперативники всю собранную с миру по нитке информацию в агентурные дела, оформляя их липовыми сообщениями. Некоторые сообщения задним числом делали по уже раскрытым делам, когда те поднимались другими методами. Никто отчетность не отменял и никогда не отменит.

На агентурной записке по Лосеву появилась начальственная резолюция «Направить информацию в органы КГБ СССР».

И правильно. Их линия. Там есть кому заниматься такими субъектами...

Часто после таких посланий чекисты выходили на Уланова, предлагали вместе подработать клиента, узнавали детали, которые не вошли в официальное письмо. Обычная работа – глядишь, что-то и срастется, и на границе задержат очередного злодея. Но прошел месяц. Прошел другой. И была подозрительная тишина – Лосев оказался никому не нужен. Ну и ладно. Лезть в дела КГБ – это себе дороже. У них в разрабатываемых – шпионы и предатели. У милиции – милые сердцу воры и бандиты.

Тем более вскоре стало не до этого. Чередой пошли преступления в отношении иностранцев – обычная мелочовка, но чреватая дипломатическими нотами и начальственным гневом.

А в конце сентября весь отдел подняли по тревоге. Произошло чрезвычайное происшествие – на Ленинском проспекте в циничной форме была сломана челюсть военного атташе Федеративной Республики Германии.

– Ох, и головную боль мы нажили, – простонал Маслов, собрав личный состав. Похоже, голова у него уже болела не меньше, чем челюсть у атташе...

Глава 6

Ситуация была как в анекдоте. Столкнулся «МАЗ» с «Мерседесом». Заляпанный грязью грузовик и породистый немецкий железный скакун не поделили полосу движения. Хрясь, бах, советская техника оказалась куда достойнее по массе и прочности. Бок у «Мерседеса» был смят, как будто его делали из фольги. Пару вмятин получил и грузовик, что вызвало бурю возмущения у его водителя.

Шофер «Мерседеса», он же по совместительству военный атташе ФРГ, начал гневно лепетать на ломаном русском:

– Ви виноватый! Я шел по свой полоса!

– Твоя полоса на неметчине, мать-перемать, – забористо отвечал небритый, в телогрейке водитель алкогольно-запущенного вида.

– Я дипломат. Ви будете иметь дело с посольством ФРГ, – гордо изрек атташе и добавил несколько слов на немецком.

Последнее привело водителя «МАЗа» в ярость:

– Мало вас, фрицев, под Сталинградом били? Так мы добавим, – и раззуделось молодецкое плечо.

Хрясь! Перелом челюсти в двух местах.

– Будешь знать, фашистская морда, – с этими словами водитель «МАЗа» уселся в свой стальной монстр, который обдал верещащего немца выхлопными газами и исчез в неизвестности.

Ну а дальше для московской милиции были все тридцать три удовольствия. Нота Посольства Германии. Грозное требование МИД СССР немедленно найти виновных и покарать, ибо в противном случае отношениям с ФРГ будет нанесен непоправимый ущерб. Подключился отдел административных органов Московского горкома КПСС, руководители которого резонно полагали, что подобный инцидент позорит столицу в глазах мировой общественности.

Была создана следственно-оперативная группа, в которую включили сотрудников одиннадцатого отдела МУРа, занимавшегося, кроме антиквариата, еще и преступлениями в отношении иностранных граждан. Оперативники работали сутки напролет. Отрабатывали автопредприятия, базы данных ГАИ. И ничего не находили.

Уланову с самого начала дело казалось каким-то мутноватым. На оживленной трассе не оказалось ни одного милиционера, ни одной машины патрульно-постовой службы или ГАИ. И этот летучий голландец – непонятный «МАЗ». Никто из свидетелей не мог вспомнить его номер. Атташе потом припомнил, что номер был заляпан грязью, впрочем, как и весь грузовик – казалось, он вынырнул прямо из глубины подмосковных болот, чтобы нанести несмываемое оскорбление тевтонскому рыцарству. Обычно ГАИ следит за грязными машинами и нещадно штрафует. А тут не заметили.

Голова у Уланова шла кругом. Работа по нападению на атташе была какая-то бесполезная. Все нити обрывались.

Субботним вечером Уланов приехал со службы в восемь часов. Жена с сыном эти выходные проводили у тещи в подмосковном Калининграде. Так что он безраздельно хозяйничал в квартире, которая без родных людей казалась ему неуютной и пустой.

По первой программе шла пятая серия «Семнадцати мгновений весны». Фильм про ставшего героем анекдотов советского разведчика Штирлица был хорош, но смотрен неоднократно. По второй программе показывали «Международную панораму» с ведущим Валентином Зориным. Эта передача всегда вызывала у Уланова скуку. Он неоднократно ловил себя на том, что его совершенно не интересует борьба доблестных африканцев с неокOLONиализмом и забастовки горняков в Англии. Несмотря на то что по долгу службы он общался с иностранцами, их мир воспринимал вообще как какой-то игрушечный, отгороженный непробиваемой стеной, ненастоящий... После программы «Время» будет «Что, где, когда?». Там умненькие и причесанные участники станут жестоко биться с телезрителями, задающими коварные вопросы, победителям вручат дефицитные книжки. Можно посмотреть – бывает очень забавно.

Можно еще лечь на диван и дочитать «Сказку о Тройке» – продолжение любимой им фантастической повести братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». «Сказка» была почему-то признана клеветнической на советский строй и с 1968 года, когда появилась в журнале «Ангара», не

переиздавалась. Журнал этот какими-то правдами и неправдами достал Маслов, являвшийся фанатиком хорошей фантастики, и дал почитать Уланову. У того произведение шло с трудом. В отличие от «Понедельника» в нем появилась тяжеловесность и некоторая озлобленность, сдобренная щепоткой презрения к окружающему миру. Может, и правильно запретили...

На журнальном столике зазвонил новый красный телефон с мигающей во время звонка лампочкой.

– Весь внимание, – сказал Уланов, подняв трубку.

– Ну что, племянш, как у вас в разбойном приказе? – услышал он голос своего дяди.

– Да никак. Все как-то так...

– Замучили дела?

– Замучили.

– Никак по атташе работаете? – в трубке послышался радостный смешок.

– Ты в курсе уже.

– Ха. Спрашиваешь... Что делаешь?

– Телевизор смотрю. «Спокойной ночи, малыши».

– Дело полезное... Давай заеду. Прямо сейчас.

– Жду с нетерпением...

Георгий Петрович Уланов появился через сорок минут. Хлопнула на автостоянке во дворе длинного девятиэтажного дома на Севастопольском проспекте дверца его личной белой, с навороченными противотуманными фарами «Волги».

Потом машина отъехала – это значит, дядя сегодня не за рулем, следовательно, решил напиться за компанию...

Вскоре и сам старший Уланов возник на пороге квартиры. Его двухметровая фигура сразу заняла всю прихожую. Он был мощен и представительен как мамонт. Лицо у него было с правильными крупными чертами, на голове – пышная черная грива волос. Михаил Уланов в детстве честно полагал, что дядя работает кем-то вроде испанского гранда. Очень уж ему подошла бы шпага и широкополая шляпа. Если смотреть в корень, то ребенок не слишком ошибался. Георгий Петрович всю жизнь был рыцарем... Скромным рыцарем плаща и кинжала.

– Держи, племянник, – дядя сунул Уланову в руки два увесистых полиэтиленовых пакета с изображением верблюда и рекламой американских сигарет «Кэмел». Похожие продавали цыгане в переходе на Арбате по пятерке, а то и по червонцу, после чего счастливые хозяева их таскали месяцами, а то и годами, заботливо выстирывая и высушивая.

Дядя никогда не приходил с пустыми руками. Вот и сейчас порадовал банкой черной икры, финским сервелатом, шоколадными конфетами «Стратосфера» и «Птичье молоко», двумя бутылками настоящего грузинского «Киндзмарули». Еще он принес бутылку коньяка «Хенnessи» – это такое чудо заморское, которое ни в каких советских магазинах сроду не бывало, кроме валютной «Березки».

– Где твои? – Георгий Петрович обвел взглядом опустев-

шую квартиру.

– У тещи.

– Ну, значит, будем пить спокойно и вдумчиво, без женских нотаций о вреде бытового алкоголизма...

Уланов достал из холодильника мясо с картошкой, сливочное мало в масленке. Порезал овощи, приправив растительным маслом. Открыл черную икру и оценил:

– Хорошо вас в Комитете кормят.

– Заботятся, – кивнул Георгий Петрович. – Ценят.

– Меня бы кто так ценил.

– Я тебе давно предлагал... Еще не поздно, племянник, надеть военную форму.

– Нет, я пока в нашей, мышинового цвета, похожу.

– Ну как знаешь. Хозяин-барин...

Георгий Петрович трудился во Втором Главном управлении КГБ СССР – контрразведке. Был он полковником, притом очень не простым. Во всяком случае, в его речах иногда как бы невзначай проскальзывали упоминания о встречах с такими большими людьми и об участии в таких значимых событиях, которые для сотрудника уголовного розыска были выше, чем Олимп для древних греков. Время от времени дядя раскатывал по загранкомандировкам по всему миру. Так что расскажет не понаслышке и про Манхэттен, и про Париж – куда там пойти, что посмотреть.

Отец умер, когда Мише Уланову было одиннадцать лет. Поэтому дядя вел его по жизни. Приглядывал. Помогал и

словом, но чаще делом, поскольку был именно человеком дела.

После школы Михаила Уланова понес черт в Институт международных отношений. Дядя тогда скептически отнесся к его порыву:

– Пойдешь в МГИМО, пройдешь мимо. Даже я не смогу помочь.

Но Уланова как всегда зациклило. Он упрямо двинул носорогом в закрытые ворота. Ворота оказались крепче носорожьего рога. Абитуриента завалили на иностранном языке, хотя английский он знал очень неплохо – закончил специализированную школу.

Провалившись в институт, Михаил устроился работать в гараж типографии газеты «Красная Звезда». Водительские права категории «Б» он получил в ДОСААФе, но водителем по молодости его не назначили, поэтому пришлось зарабатывать на хлеб помощником автомеханика. Призвали в армию его тоже не в водители, а в бойцы-пограничники. Служил на границе с Монголией. Поучаствовал в паре перестрелок с крадунами, пытавшимися перегнать через границу скот. Вернулся в Москву уважаемым человеком, членом партии. А Георгий Петрович к тому времени уже получил полковника.

– Что делать собираешься? – спросил тогда дядя племянника, только что снявшего военную форму с сержантскими погонами.

– Учиться.

– В МГИМО? Сейчас я тебе могу помочь в этом деле. Кое-какой вес набрал.

– Детство все это, – отмахнулся Миша.

– Давай тогда к нам. Сначала прапорщиком. Потом в высшую школу КГБ. Хоть технарем, хоть на юридический факультет.

– Подумаю.

Думать ему долго не дали. В него мертвой хваткой вцепилось районное управление внутренних дел. Член партии, пограничник, кандидат в мастера спорта по плаванию – куда же такому красавцу податься на работу, как не в милицию? Он было отговорился, что ему надо получать высшее образование. Тогда по согласованию с райкомом партии в РУВД ему вручили направление в Высшую школу милиции. И это уже было вроде как не просто пожелание, а партийное задание – укрепляй органы правопорядка.

– Ты чего, милиционером решил стать? – скептически осведомился Георгий Петрович.

– Решил. А чем плохо?

– Ладно, – махнул рукой старший Уланов. – Если тебе втямшилось, не сдвинешь.

На том и порешили.

Все годы дядя ни на миг не выпускал Михаила из поля зрения. Сосватал его в отдел МУРа по иностранцам и антиквариату – тематика очень близкая к чекистской. И там

продолжал ненавязчиво направлять и прикрывать в случае необходимости.

Чем занимался в контрразведке Георгий Петрович – одному богу известно, но нередко через племянника сбрасывал для милиции информацию или пожелания, которые не выразишь официально. Иногда говорил: довольно, здесь не надо дальше копать. И приходилось тормозить.

– Ну что, племянник, разливай, – Георгий Петрович кивнул на бокалы.

Судя по всему, он уже успел принять на грудь. И немало. Интересно, сколько нужно выпивки, чтобы сшибить с ног такого мамонта? Тревожило, что в последнее время он пьет все чаще. Насколько Михаил знал своего дядю, в бутылку тот глядел, когда начинались серьезные проблемы.

– За Родину, – они чокнулись.

Коньяк был неплохой, но, по мнению Уланова-младшего, до армянского «Ахтамара» не дотягивал.

– Что у вас там хорошего в разбойном приказе? Что говорят? – спросил Георгий Петрович.

– Пашем как папы Карло, – сказал Михаил. – Одно слово – милиция.

– Пашете. Эх, Миша. – Георгий Петрович вытащил пачку «Кэмела». – Покурим?

– Ты же знаешь, не курю.

– А я закурю, – кивнул Георгий Петрович. – На лестничной площадке. Чтобы тут не дымить.

– Да можно здесь.

– Нельзя... А ты мне компанию составишь, – Георгий Петрович выразительно обвел взглядом помещение.

Михаил не верил, что кому-то надо начинять его квартиру радиозакладками. Но дяде лучше знать, где можно говорить, а где нельзя.

Они вышли, спустились на площадку этажом ниже. Георгий Петрович распахнул окно. Щелкнул зажигалкой. Жадно затянулся. И произнес негромко:

– Вот что, племяш. Ситуация складывается неважная.

– По поводу чего? – не понял Михаил.

– По поводу всего... То, что скажу, – умерло между нами.

Иначе наши жизни недорого стоить будут.

– Ну ничего себе. Тогда, может, не надо?

– Нужно, чтобы ты был в курсе, Миша... Очень серьезно все затевается. Если меня не станет, ты должен понимать... Должен...

Георгий Петрович глубоко затянулся и продолжил:

– Короче, Склифосовский. Две наших конторы сцепились не на жизнь, а на смерть. До конца я сам не все понял, но вроде вашему министру Щелокову группа товарищей с самого верха поручила разработку нашего руководства.

– На предмет?

– Связь с иностранной агентурой. Коррупционные схемы. Попытка переворота. Что хочешь, сам додумай...

– М-да, – Михаил встряхнул головой, в которую эта фраза

никак не желала уместаться.

– Вроде у спецгруппы МВД был на этой ниве какой-то результат. Какой – я не в курсе. Но ваш министр проиграл эту подковерную борьбу... Пока что проиграл.

– И что дальше?

– А то, что очень густая каша заварилась. Ждите ответного удара. Так что слушай внимательно. Тебе главное сейчас – выжить. Ни в какие истории не ввязывайся. Ни на какие предложения – ни ваших, ни наших товарищей не ведись. Будь хитер, как лис. Дистанцируйся от всех. И никуда, слышишь, никуда не лезь за пределами полномочий! Есть УПК, есть приказ – ни шагу вправо и влево... Если что-то возникнет, даже намек на непорядок, – сразу ко мне. Твоя главная задача сейчас – выжить. Понял? Выжить.

– Понял я все. – Михаил побарабанил пальцами по оконной раме. – И надолго эта склока?

– Все утрясется скоро тем или иным образом. Но дело куда хуже, чем склоки наших ведомств.

– А что такое?

– Грозой пахнет, племяш. Сильной грозой... Ну что, пошли уничтожать коньяк вероятного противника?

– Пошли. – Уланов ощущал, как внутри стало пусто. Насколько он знал своего дядю, тот никогда ничего не говорил зря и никогда не нагонял панику.

Две рюмки проскочили как-то незаметно. У Михаила даже голову не повело.

– Что, по атташе германскому сильно заработались? – спросил Георгий Петрович.

– Шкуру скоро с нас снимут. И освежают.

– Не напрягайся. Не трать впустую силы. Займись чем-нибудь более полезным для общества, чем обидчиков германца искать.

– То есть? – внимательно посмотрел на него Михаил.

– Неважно. – Дядя критически оглядел опустевшую бутылку «Хеннесси» и кивнул на «Киндзмараули»: – Откройвай.

– Я больше не буду. Мне уже перебор.

– Ну, так ты тут и не один, – хмыкнул Георгий Петрович.

Он накатил полный бокал вина и в три глотка опустошил. Михаил видел, что дяде страшно хочется напиться и не получается. Действительно, закручивалось что-то серьезное.

– Кстати, по поводу этого, Лосева, контрабандиста. Твоя ведь информация? – Георгий Петрович был мастер неожиданных поворотов в разговорах.

– Да. Моя. Ты и тут в курсе.

– В курсе. Распиши своими словами, что там и как.

Михаил без утайки рассказал, как работали по «гимнастам» и как они сдали заказчика.

– Надо его в разработку брать, – закончил он.

– Ты не беспокойся о нем, племяш... Позабудь. Пока позабудь...

– Там же, насколько я понял, канал контрабанды устойчи-

вый.

– Ничего, – отмахнулся Георгий Петрович. – Много каналов у нас в свое время нарыли. Еще один мы выдержим.

Уланов-младший понял. И заткнулся. И задумался. Слишком много ему было что переварить после сегодняшнего разговора.

Глава 7

В тот день, когда перепуганный Лысый писал явки с повинной, а два «гимнаста» еще прятались от милиции, в суматошном мирке, связанном с оборотом предметов антиквариата, вырос и впервые показал острые ядовитые зубы монстр. И произошло это у него как-то буднично. Без какого-либо душевного напряжения. И от того выглядело все еще более страшно...

Студент несколько месяцев назад потерял главного клиента, притом по причине своей банальной жадности. Примерно представляя, сколько стоит товар, начал приближать цену к рыночной. Скупщик заявил, что сроду не занимался благотворительностью, себе в убыток не работал, и пусть добытчик сам попробует продать вещь.

Студент ткнулся в пару мест и понял, что сторит как свечка. Прогулка по потенциальным покупателям была схожа с пробежкой по минному полю – не знаешь, где и когда щелкнет запал. Только взрыва не будет, вместо него встретят тебя вежливые ребята с красными книжечками. И он четко осознал, что ничего у него со сбытом путного не выйдет. Позиции в антикварном мире зарабатываются годами, все друга бояться и шарахаются как черт от ладана от незнакомых людей. Поэтому в итоге он явился с повинной к скупщику, притащив несколько орденов с последних дел.

А скупщик отказался. Притом не просто отказался. Студент видел, что тот его боится. Это было новое радостное чувство – этот чужой страх. Что именно скупщик рассмотрел в своем поставщике, которому он дал путевку в жизнь, – было непонятно. Но то, что увидел в глазах невысокого, невзрачного, сублильного паренька, которого мог бы пришибить одним ударом кулака, его сильно встревожило. И напугало.

– Нет, родной, – сказал скупщик. – Лавка закрылась. Я этим больше не занимаюсь. Никаких покупок. Только обмен. И все только в пределах закона.

– Ну как знаете, – пожал плечами Студент. – Не пожалели бы.

– Не пожалею...

С реализацией товара возникли большие проблемы. Была куча вещей. Они стоили больших денег. Но одно в другое никак не переходило.

Тогда Студент вспомнил о соседях бабушки, которая проживала в поселке Конноармейский под Иваново. Он там с детства проводил все каникулы, да и теперь бывал нередко, наслаждаясь беззаботной жизнью, грибными лесами, чистыми озерами и речками. Отношения с местными у него сложились не то чтобы слишком близкие, но его держали почти за своего. В поселке проживала большая диаспора цыган. Среди них был и Жиган, его сверстник и почти что приятель.

Студент знал, что цыгане имеют обширные связи, в том числе в мире, связанном с иконами, драгоценными камнями и металлами. И, отведя при встрече на улице Жигана в сторонку, закинул удочку – не поможет ли тот продать ордена.

– Не знаю, кому ордена нужны, – пожал плечами Жиган. – Орден и есть орден. Железка.

– А ты слышал, что в ордене Ленина двадцать восемь грамм золота, почти три грамма платины?

– О, – Жиган задумался, что-то просчитывая в уме. – И сколько есть?

– Ну, десяток есть.

– Сгодится. Дантистам сдадим. Рублей по двадцать за грамм, больше они не дадут. Деньги пополам.

– Мне две трети.

– Ладно, – не слишком охотно изрек Жиган.

Студент скинул ему несколько орденов Ленина на переплавку. Получил деньги. И ощутил, что они топят печку ассигнациями. Орден Ленина, уходящий с рук за полторы тысячи рублей, сбывали всего за пятьсот рублей, при этом сам он получал чуть больше трех сотен. Для кого-то деньги, может, и огромные. Но он привык к другим масштабам.

– Нет, Жиган, – сказал Студент, когда они сидели на своем излюбленном месте на берегу мелководной речки, начавшей освобождаться от груза зимнего льда и свободно готовой понести свои воды, искрящиеся в лучах весеннего солнца. – Надо искать покупателей именно орденов.

– Будем искать... Слушай, а что тебе ордена? Вон, иконы хорошо идут. За доски хорошо платят.

– Не умею этого, – поморщился Студент. У него был опыт торговли иконами, но не слишком удачный.

– А я научу, – улыбнулся бесшабашно Жиган.

Учиться они отправились в глухую деревню в Нижегородской области. Там жила старушка, у которой якобы имелась хорошая старинная икона. Втроем поехали – Жиган со своим младшим братом и Студент.

– Тысячи три монет нам за доску эту отсыплют, – заверил Жиган. – По тысяче на брата.

Студент вез на дело на своем новеньком, недавно купленном «Москвиче» вызывающе красного цвета.

Идея была проста. Спрятать машину в лесу. Подобраться незаметно к деревне. Подождать, когда старушка отлучится куда-нибудь. Зайти в дом и забрать все, что там будет мало-мальски ценного.

Получилось все почти как планировали. Младший цыганенок остался стеречь окрестности, чтобы подать знак в случае опасности. Студент с Жиганом пробрались в дом. Икона стояла на видном месте и не произвела никакого впечатления – старая, почерневшая, в растрескавшемся окладе, примитивного деревенского письма. Не верилось, что кто-то за нее отдаст три тысячи.

Жиган пошарил по самым укромным местам дома и каким-то своим цыганским нюхом, улавливающим купюры,

нашел тайник с тремя сотнями рублей.

Пока считали деньги, тут все и началось. Послышались шаги. Дверь распахнулась. Младший цыган каким-то образом прошляпил возвращение хозяйки дома.

– Вот же ироды. Вы чего тут делаете? – всплеснула она руками.

– Не бойся, бабка, уже уходим, – объявил Жиган.

Старушка набрала воздуха, чтобы заорать. Но не успела. Жиган выдернул из-за пояса финку и ударил ее в живот. Потом еще раз. И еще...

Цыган, стоя над распростертым телом, посмотрел на Студента и протянул финку:

– Чего смотришь? На, добей!

Студент посмотрел на протянутую руку как-то отстраненно.

– Давай, или тебя попишу! – визгливо заорал Жиган.

Студент равнодушно кивнул. Взял финку. Нагнулся над еще дергающимся телом. И нанес два удара.

Когда добрались до машины, Студент совершенно спокойно завел мотор, с удивлением осознавая, что у него даже руки не трясутся.

– И что, мы теперь мокрушники? – глухо произнес он, вырывая с просеки.

– Ага... Да не бойся ты. Бабка и бабка, – нервно хихикнул Жиган, которого, наоборот, била нешуточная дрожь. – Тошно на душе?

– Нет, – покачал головой Студент. – Все равно.

Выбрались они без всяких проблем. Еще долго Студент ждал, что уверенные в своей правоте люди постучат в дверь, предъявят милицейское удостоверение и выставят ему счет. Но этого не произошло.

С иконой получилось сплошное разочарование. То ли неправильно вначале ее оценили, то ли это была другая икона, но в итоге добыча составила двести пятьдесят рублей – сущие слезы.

– Что, за иконой еще пойдём? – спросил Жиган, передавая на берегу реки деньги Студенту.

– Дело ненадежное, – покачал головой Студент.

– Ордена надежнее?

– Надежнее. Просто надо искать, кому продать.

– Вот про это тебе и хотел сказать. Появились знающие люди, которые могут купить орден для коллекции, а не на лом. Но пока немного. Не знают, как скоро их удастся продать.

– Отлично! – воодушевился Студент.

– Пойдешь еще за орденами?

– Пойду.

– И резать будешь? – натянуто засмеялся Жиган, который хоть внешне и бодрился, но после случая со старушкой был сам не свой – стал дерганный, погружался иногда в свои тяжелые мысли, не замечая ничего вокруг.

Студент посмотрел на него с прищуром. Жиган от этого

взгляда съежился. Бывалые уголовники говорят – раз пере-шагнешь через кровь, и дальше убивать уже не проблема, ес-ли душа это дело приняла. Душа Студента, кажется, не толь-ко приняла кровь, но и возрадовалась ей.

– Если надо будет, – твердо произнес Студент, – буду ре-зать.

– Молодец, – хохотнул Жиган, пряча глаза. Ему стало вдруг как-то не по себе в обществе старого приятеля...

Глава 8

Младший Уланов честно передал Маслову рекомендацию старших товарищей из «Комитета глубокого бурения» особенно не напрягаться по этому делу. Тот намеки подобного плана ловил на лету. Переключил людей на более важные дела. И оказался прав. Шум вокруг нападения на военного атташе ФРГ постепенно сошел на нет. Еще некоторое время отдел чихвостили, обещали кары по служебной и партийной линии, но все затихло. Германский МИД тоже выдохся, пытаясь вразумить северных варваров. И выяснилось, что такой вопиющий висяк на показателях одиннадцатого отдела не сказался никак.

Уже потом, через несколько лет, Уланов случайно узнал от сотрудника КГБ СССР, занимавшегося слежкой, как все было. Посетили однажды «семерку» представители третьего отдела Второго главка, занимавшегося контрразведывательными операциями против ФРГ. Долго нагнетали обстановку, читая лекции про славные традиции гестапо, Абвера, которые достойно продолжает современная БНД – федеральная разведывательная служба Германии. Притом работают немцы настолько виртуозно, что их ну никак невозможно поймать за руку. Что за игру затеяли контрразведчики – это было известно им одним. Возможно, хотели вывести военного атташе из строя на какой-то период. Или ответить грубо и

зримо за какие-то действия против наших граждан в ФРГ. Только указание было однозначным: отделать военного атташе под благовидным предлогом на улицах Москвы – жестко, но не до реанимации.

Был разработан план, предусматривавший участие в эпической операции четырех бригад наружного наблюдения. Они должны были проконтролировать маршрут атташе, обеспечить, чтобы в районе проведения мероприятий не было ни одного милиционера.

В результате драматический спектакль был разыгран в лучших традициях Станиславского. Столкновение с «МА-Зом». Отчаянная ругань – тут майор с наружки органично сыграл работягу и, будучи мастером спорта по боксу, одним ударом своротил челюсть наследнику дела Абвера и СС. По прибытии на базу разведчики дисциплинированно отписали рапорты, тянувшие на несколько статей уголовного кодекса.

В общем-то Уланов и предполагал нечто подобное. К фокусам госбезопасности он давно привык, работая пятый год с ними бок о бок...

Между тем шел месяц за месяцем. Отгорело жаркое лето. Пожелтели листья на деревьях. Уланова одолела какая-то суматошная текучка без особого видимого результата. Но не было такого дня, когда бы он не вспоминал тот тяжелый разговор с дядей на лестничной площадке около мусоропровода. Ощущение грозы теперь он и сам мог ощущать. Дремлющая и пребывающая в нирване российская политика вдруг

очнулась и припустилась вперед.

10 ноября 1982 года на государственной даче «Заречье-6» в возрасте семидесяти пяти лет скончался Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, правивший с 1964 года. При нем жизнь страны была отмечена высочайшими взлетами в промышленности, науке, но вместе с тем и явными провалами в экономике. Одного не отнять – никогда на Руси не было такого спокойного и безмятежного течения жизни, не омраченного потрясениями и катаклизмами.

Странно народ воспринял это эпохальное событие. Кто поумнее и поопытнее – ощутили какую-то пустоту и поступь грядущих бед. Остальные, кто подурнее, надеялись, что вот сейчас-то раздуется плечо и страна, сбросив диктат стариков геронтократов, оживет.

Решением внеочередного Пленума ЦК КПСС 12 ноября 1982 года Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Юрий Андропов.

При этом известии у Уланова засосало под ложечкой. Ну все, теперь начнется. В воздухе витало какое-то напряжение. О взаимной неприязни Юрия Андропова и Николая Щелокова было известно всем. И с назначением Андропова органы внутренних дел не ждало ничего хорошего. Это было только вопросом времени. И вопросом появления достаточно значимого повода...

В середине ноября в одиннадцатом отделе выдался небольшой аврал – посыпались нераскрытые преступления.

Уланов отложил в дальний уголок памяти информацию о контрабандисте Лосеве, которому Жорж с его «гимнастами» сбывал иконы. И тут неожиданно эта фамилия всплыла. Позвонил приятель из городского Управления по борьбе с хищениями социалистической собственности и обрадовал:

– Взяли твоего Лосева.

– Когда?

– Вчера. Мы с КГБ сработали. С тебя бутылка.

– Это с тебя бутылка. По моей информации вам выявление тяжкого преступления зачлось.

– Сочтемся славой, – хмыкнул сотрудник УБХСС, соскакивая с темы и в очередной раз подтверждая, что эти ребята своего никогда не упустят.

Это было очень кстати. Близился конец года, и по окончании телефонного разговора Уланов извлечет из сейфа агентурное дело, на обратной стороне агентурной записки выведет аккуратным почерком: «Фигурант установлен. Задержан по статье 188 УК РСФСР». Это серьезная статья. Серьезный результат.

– Там и по вашей линии работа будет, – сообщил сотрудник УБХСС. – Мое начальство с твоим сейчас созвонится...

Выяснилось, что Лосева задержали после встречи с представителем крупной западной фирмы. Злодей скинул иностранцу партию икон – хороших, шестнадцатого-семнадцатого веков, взамен получив мешок моднючих платков с люрексом и импортных наручных часов. При обысках у него

дома, в гараже и на даче нашли еще четыре тысячи импортных женских платков, около сотни часов, иконы, ювелирные изделия, несколько десятков килограммов серебра в слитках – это переплавленная церковная утварь. Через день взяли в Подмосковье на съемной даче его поделщика, известного советского борца-классика Куланова. Тот попробовал сопротивляться, но был нещадно бит и скручен бойцами ОМОНа. У него также изъяли немало культурных ценностей.

Самим Лосевым занимались следователи КГБ, и в свою кухню пускать они никого не собирались. А Куланова отдали на растерзание милиции. Выяснилось, что под ним работала бригада воров. Когда у Лосева не хватало каких-то икон или вещей, заказанных зарубежными партнерами, Куланов выезжал на дело. В отличие от своих помощников-балбесов, если где и учившихся, то только в институте имени Воровского на факультете карманной тяги, Куланов лет пятнадцать назад закончил исторический факультет МГУ и имел представление о прекрасном, в том числе об иконах. Перед закрытием церкви он помещал в условленные места перед самыми дорогими ликами метки – в основном обломанные свечи. А балбесы темной ночью вламывались в храм и забирали отмеченные предметы.

Дело было поставлено на широкую ногу. Бригада Куланова использовала неизвестно где добытые ими переносные иностранные рации, передвигалась на двух-трех машинах. В итоге воры побывали в шести храмах Москвы, в Москов-

ской и Костромской областях. Когда Куланов разговорился, то мимоходом обронил, что мечтали залезть в главный центр русского православия – в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру в подмосковном Загорске.

С Кулановым и компанией следственно-оперативная группа, состоявшая из сотрудников милиции из Москвы, Костромы и Московской области, разбиралась долго. Над Лосевым же суд прошел в темпе вальса. Никто и оглянуться не успел, как он получил свои десять лет и отъехал на отдых в пенитенциарное учреждение.

Уланов задвинул Лосева в своей памяти совсем далеко, справедливо полагая, что минимум десять лет его не увидит.

Но земля круглая. И встречи иногда происходят тогда, когда мы их совсем не ждем...

Часть вторая

Журналисты

Глава 1

До двух часов теплой летней ночи с 17 на 18 июля 1983 года Уланов, Лиза Агапова и еще пара сотрудников одиннадцатого отдела МУРа вместе с оперативниками из спецотдела по обслуживанию гостиниц гоняли жриц любви у гостиницы «Интурист».

Дамы там работали испокон веков. Конечно, своим присутствием они слегка портили высокоморальный образ советской столицы. Но иностранцы, которые пользовались их услугами, так не считали. Среди зарубежных гостей встречались чудачки, которые ехали в Москву именно за тем, чтобы погрузиться в пучину страсти и разврата. Надо отметить, сластолюбцы не прогадывали. Московские валютные девочки действительно были все как на подбор – ухоженные красавицы, а одеты так, что вызывали завистливые вздохи менее удачливых по жизни подруг.

Те из жриц любви, кто не наглед слишком сильно, работали на точке годами, пока не утрачивали товарный вид. Но некоторые дамы от блестящей мишуры, близости красивой

зарубежной жизни быстро теряли голову и начинали делать глупости. Вчера одна из девочек шпионерила у представителя немецкой автомобилестроительной компании «Магирус» приглянувшиеся ей золотые часики. На что рассчитывала? Что немец не заметит? Что не заявит в милицию, боясь потерять в глазах общественности высокоморальную репутацию? Трудно понять мысли сороки, увидевшей блестящий предмет.

Часики оказались «Ролексом» за тридцать тысяч марок, и немец, вспомнивший о цене вопроса, горячо требовал сатисфакцию. «Магирус» претендовал на выгодные контракты с СССР по поставке большегрузных машин, и начинать международное сотрудничество с такого черного пятна было неудобно. Поэтому с самого верха милиции велели решить проблему. Начальник МУРа дал указание перетряхнуть всех проституток у «Интуриста» и любым способом вернуть часы.

Высотой в двадцать два этажа, исполненная в незатейливом кубическом стиле, из стекла и пластика, достаточно безобразная на вид главная валютная гостиница города резко контрастировала с исторической застройкой. Она располагалась напротив Красной площади и потому была так любима иностранцами. Жрицы любви толкались у круга, по которому автомобили подъезжали к ее стеклянным дверям. Часть скучала немножко поодаль, ожидая своего принца на белом «Мерседесе».

Муровцы бывали здесь не раз, поэтому быстро вычислили падших женщин, после чего вежливо пригласили их в автобус – набралось аж десятков голов. Их мамашу, то есть сутенершу, плотно сбитую, уверенную в себе тетку сорока пяти лет от роду, которую все вежливо называли Настасья Владимировна, разместили в черной «Волге». Всех свезли на Петровку, на разбор полетов.

Оперативники разместили пленных в актовом зале, откуда разводили по кабинетам для дачи объяснений и профилактических бесед. Все это сопровождалось обильными девичьими слезами, соплями, возмущенными криками и ругательствами – как всегда при задержании проституток. Работа ожидалась на всю ночь.

В казенных милицейских кабинетах сразу повис тяжелый запах французских духов.

– Хорошо живете, – сказала Лиза очередной допрашиваемой – смазливой девушке из подмосковного Калининграда, на которой было тонкое, яркое, откровенное французское платье и серебристые туфли на платформе.

– Не всем же совками быть, – презрительно окинула та взглядом простенькую одежду капитана милиции.

– Не всем, – согласилась Лиза.

Кто такие «совки», она знала прекрасно. Это слово недавно прижилось в среде валютных проституток и означало все серое, обыденное, советское в противовес всему яркому, красивому, иностранному.

Объяснение получено. Подписи поставлены. Разговор закончен. Следующая на очереди...

Студентка истфака МГУ шмыгала носом, обещая, что больше никогда, ни с кем и ни за какие деньги. Так же шмыгала носом она и год назад, когда ее задерживали на том же месте в тот же час. Две девчонки из Иванова обещали, что вскоре обязательно трудоустроятся в столовую на заводе, для чего они и прибыли в Москву. Одна жрица любви, насмотревшаяся западных фильмов, вообще договорилась до того, что не будет давать показания без адвоката, за что была препровождена в камеру подумать о своем поведении.

Уланов в своем кабинете вел беседу, для которой и была затеяна вся операция.

– Михаил Игнатьевич, – возмутилась сутенерша, которая помнила имена и отчества всех сотрудников, кто когда-то занимался ею и ее бизнесом. – Ну зачем вы так? Так же не делается. Позвоните сами знаете куда, и все разрешится сами знаете как.

– А вы, дорогая моя Настасья Владимировна, думаете, что мы не звонили? – улыбнулся Уланов. – Все согласовано.

Секрет живучести этого незаконного вида деятельности близ интуристовских гостиниц объяснялся просто – девочки были под плотным контролем госбезопасности и активно использовались чекистами в своих играх.

– Да ладно, – махнула рукой сутенерша.

– Настасья Владимировна, ну когда я врал?

Сутенерша нахмурилась. Если чекисты дали добро на это мероприятие, значит, дело приобретало дурной оборот.

– Кто часики у колбасника тиснул? – спросил Уланов.

– Да не знаю я!.. Часики какие-то.

– Ну да, – кивнул Уланов. – Что, по рыбозаводу твои курицы соскучились? А ты по Магадану?

Чтобы держать в тонусе девушек, которые имели обыкновение быстро отбиваться от рук, чекисты и милиция время от времени проводили зачистки. Самая большая была перед Олимпиадой восьмидесятого года. Тогда правоохранные органы всю мелкоуголовную шушеру, алкоголиков и дебоширов сплавили из столицы за сто первый километр, и Москва превратилась в город Солнца – более спокойного и чистого места Земля не видывала. Обычно после таких оперативно-профилактических мероприятий прости-туток по суду высылали на исправработы. И место встречи изменить было нельзя – рыбозавод в Архангельской области, где постоянно наблюдался дефицит рабочей силы, и нежные наманикюренные пальчики для разделки рыбы были как нельзя кстати. Там девочки пропитывались таким рыбным запахом, который в страшных снах преследовал их всю оставшуюся жизнь, – его, как ни старайся, не перебеешь никакой «шанелью» с «диором». Рыбозавода валютные дамы боялись как огня.

– Звони, – кивнул Уланов на телефон.

Сутенерша подрагивающим пальцем начала вращать диск

телефона. Набрала номер своего куратора от КГБ, который все двадцать четыре часа обещал быть на связи. Дозвонилась. Побледнела, выслушав все матюки в свой адрес. Повесила трубку. Несколько секунд глядела куда-то поверх головы муровца, а потом произнесла:

– Да эта клушка Наташка. Из Тамбова. Дура дурой. Москву увидела, глаза разбежались. Хотела я ее гнать, овцу тупую, но очень уж хороша, зараза. Гамбургеры на нее с полвзгляда западают – тягачом не оттащишь. Кто ж знал...

– Где она живет?

– Да понятия не имею. Где-то квартиру снимает. У Ленки Маленькой спросите. Они вроде вместе жили.

Ленка Маленькая, миниатюрная блондинка, задержанная в числе других, запирается не стала. Сказала, что Наташка с ней больше не живет, она теперь с артистами якшается. Назвала имя молодой звезды экрана, примелькавшейся за последнее время. Тот был обладателем квартиры недалеко от магазина «Балатон» на Мичуринском проспекте.

Установить адрес проживания звезды – дело нескольких минут. Уланов, Лиза и капитан Фадеев отправились в гости к артисту.

Дом был элитный. Квартиры в нем с улучшенной планировкой. Костя Фадеев, имевший нрав импульсивный и грубый, нажал на звонок и ждал до того момента, пока из-за закрытой двери не донеслось напряженное:

– Кто там ночью колобродит?

– Милиция. Открывай, артист. К твоей шалаве разговор будет.

– Не открою я никому! – голос сорвался на фальцет.

– Тогда будем вскрывать дверь.

Лязгнули запоры. Дверь приоткрылась. И знакомая по экрану морда посмотрела на удостоверение. Дверь захлопнулась и после позвякивания снимающейся дверной цепочки снова приоткрылась

– Что вы здесь устраиваете ночные концерты? – воскликнул артист и тут же продемонстрировал, как выглядит на практике «звездная болезнь». – Вам это так не пройдет! Знаете, кто я?!

– Знаю. – Фадеев бесцеремонно оттеснил «звезду» и шагнул в коридор. – Со своей актрисулькой жанра пантомимы будешь в тюремном театре балет «Жизель» исполнять.

– Что?!

– Где часы? – гаркнул на него Фадеев.

Уланов с Лизой тем временем прошли в квартиру и теперь имели удовольствие рассматривать закутавшуюся в одеяло, модельной внешности Наташу, удивленно таращащую наивные коровьи глаза.

– Одевайся, примадонна, – кивнула Лиза. – Есть разговор.

Но разговор у них как-то сразу не заладился. Наташка твердо, с тупым упрямством, стояла на своем – никаких часов в глаза не видела. Описанные оперативниками красочные перспективы ее скорого отъезда в колымские дали ее

нисколько не трогали. Зато тронули нежную душу артиста. Он отвел Уланова в коридор и шепнул, что его дама сердца действительно подарила ему часы, которые с приходом милиции выбросила в окно.

Уланов спустился вниз и быстро нашел под окнами золотой «Ролекс». Противоударные часы упали на мягкую траву с пятого этажа и не пострадали.

Закончилась эпопея под утро. Артисту на всякий случай пообещали неприятности, если он вздумает качать права и писать жалобы. Наташку для острастки сунули в камеру на Петровке. В скором будущем, к гадалке не ходи, ей светит административный протокол за занятие проституцией и выдворение из Москвы на историческую родину.

Часы в то же утро передали немцу в гостинице «Интурист» Маслов и Уланов. При упоминании об уголовном преследовании дамы, которая его так подло обокрала, похожий на элитного откормленного кабанчика немец, неплохо говоривший по-русски, замахал руками: «Господа полицейские, только не это!» На русском языке он с готовностью написал расписку: «Получил от представителей ГУВД Москвы часы «Ролекс», ранее потерянные мной в холле гостиницы «Интурист». Потом долго заверял господ полицейских в любви к России, пытался всучить двести марок, сувениры, коньяк.

– Коньяк хороший был, – вздохнул Уланов, садясь в служебные «Жигули». По рюмке они все-таки успели пропустить в номере.

– Только не про нас, – сказал Маслов...

Глава 2

Вернулись Маслов и Уланов из «Интуриста» на работу ближе к двенадцати часам. Их рабочая ночь плавно перетекла в рабочий день. На улице прошел дождь, теперь парило и дышалось тяжело. Зато в кабинетах за толстыми стенами Главка было прохладно и уютно.

– Сейчас руководству доложусь. А после, так и быть, распущу по домам всех участников этой жестокой битвы за нравственную чистоту города, – пообещал Маслов в своей обычной одесской манере и отправился к начальнику одиннадцатого отдела.

Полковнику Геннадию Дмитриевичу Лаптеву исполнилось шестьдесят. Он прошел войну в морской пехоте, потом служил в угрозыске Подмосковья и в МУРе. Человек суровый, справедливый, отличался тем, что всегда до последнего отстаивал интересы отдела и сотрудников, если видел за ними правду, за что неоднократно страдал, понижался в должности и званиях, потом повышался.

Через некоторое время Маслов вернулся от него и сообщил:

- Старик чего-то не в духе. Мрачнее тучи. Сказал, быть всем на месте. Ждать особых распоряжений.
- Что случилось? – забеспокоился Уланов.
- Эх, знал бы прикуп, жил бы в Сочи...

Ждать так ждать. Дело привычное.

Во время обеда в столовой Главка Уланов разговорился с сотрудниками убойного отдела. Они поведали, что случилось какое-то чрезвычайное происшествие. Вроде убили какую-то важную шишку, но неизвестно, кого именно. Заместитель начальника ГУВД и начальник МУРа выехали на место происшествия.

После обеда Лиза клевала носом, пытаясь вчитаться в сводки. Уланов законный послеобеденный отдых использовал на ознакомление с газетами, которые не были прочитаны вчера.

«Коммунизм – странная глава в человеческой истории, последние страницы которой прочитываются уже сейчас», – такое странное откровение на днях высказал президент США Рональд Рэйган. А в речи, обращенной к Национальной ассоциации евангелистов, 8 марта 1983 года, он назвал Советский Союз «империей зла». Такие заявления звучат по меньшей мере странно от руководителя империалистической державы, которая на протяжении последних десятилетий ведет агрессивную политику, пытаясь сдержать свой собственный экономический и политический коллапс...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.